

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ В ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

Сообщение А. Федорова

I

Время литературной деятельности Генриха Гейне почти целиком совпадает с тридцатилетием царствования Николая I в России (1825—1855). За пределами этого периода, предшествуя ему, находятся лишь даты появления первых двух лирических сборников Гейне («Стихотворения», выпущенные в 1822 г. в Берлине издателем Маурером, и «Трагедии с Лирическим Интермеццо» — 1823). Даты появления всех остальных произведений падают на период от 1826 г. (I том «Путевых Картин») по 1854, («Лютеция»). Таким образом прижизненным изданиям книг Гейне приходилось иметь дело в России с николаевской цензурой, именно — с Комитетом Ценсуры Иностранной, на рассмотрение которого поступали иностранные книги (в оригинале) и который решал — допускать ли данную книгу к продаже и обращению в России. Цензурные дела о Гейне в царствование Николая I — это дела о Гейне подлинном; цензурная история переводного Гейне начинается позднее.

Вплоть до начала 1860-х гг. Гейне почти сплошь (за минимальными исключениями — каких-нибудь двух-трех случаев) — под запретом. Отношение к нему русской цензуры за это время зафиксировано большим числом документов: на отзыв Комитета Ценсуры Иностранной попало большинство книг Гейне, и обо всех его произведениях, рассмотренных членами Комитета, сохранились рапорты. В совокупности своей эти рапорты рисуют очень характерный портрет Гейне — в том ракурсе, разумеется, как он представлялся цензорам. Это, — так сказать, правительственные рецензии на Гейне. В портрете, нарисованном николаевскими цензорами, собраны все те черты — политические, философские, моральные, эстетические, — которые цензуре казались опасными.

II

Прежде, чем приводить многочисленные запретительные отзывы о книгах Гейне, я приведу отзыв о тех немногих его книгах, которые были признаны позволительными. Эти отзывы касаются Гейне-стихотворца, притом — Гейне раннего (до 1-го издания «Книги Песен» включительно — 1827 г.).

Ранний, преимущественно лирический, Гейне еще мог миновать цензурные рифы. О первой книге Гейне «Стихотворения» (1822) цензурного отзыва не имеется. «Лирическое Интермеццо», вышедшее в 1823 г. (Tragödien nebst einem lyrischen Intermezzo. Berlin), попало на глаза русской цензуре с большим запозданием — через 20 лет после своего появления. Отзыв цензора Л. Роде (от 4 мая 1843 г.) был абсолютно милостив и краток:

«Обе трагедии и небольшие лирические стихотворения, содержащиеся в этой книге, не заключают в себе ничего, требующего запрещения»¹.

Поздний цензурный отзыв не мог помешать легальному ознакомлению русского читателя с «Лирическим Интермеццо». Этот цикл входил в состав «Книги

Песен» (1827), которая цензурой была рассмотрена и дозволена вскоре после своего выхода в свет. Если в 1843 г., когда Л. Роде рассматривал «Лирическое Интермеццо», автор имел европейскую известность и репутацию опасного писателя и если разрешению «Интермеццо» предшествовал уже длинный ряд запретов его книг, то в конце 1820-х гг. имя Гейне еще мало говорит иностранной цензуре (вообще располагавшей неплохой литературной и библиографической информацией)

По поводу «Книги Песен» тот же Л. Роде писал в донесении от 7 марта 1829 г.:

«Это — собрание небольших стихотворений и песен поэта еще, повидимому, молодого. Большая часть этих произведений не имеет никакой ценности, и мы сомневаемся, чтобы продажа этой книги в России могла достигнуть значительных размеров. Цензура не находит в ней ничего, заслуживающего порицания»².

Мнение о позволительности в данном случае естественно. Сам Гейне писал Фарихагену фон-Энзе по поводу «Книги Песен» (19 октября 1827): «Это — не что иное, как добродетельное издание моих стихотворений»³. Смягчающим обстоятельством служило в глазах цензуры и соображение о степени возможности распространения книги: эта предполагаемая степень распространения находилась — при неблагоприятных условиях — в обратно пропорциональном отношении к степени позволительности. Правда, насчет значения «Книги Песен» для русской поэзии Л. Роде как нельзя более ошибся. Но, выступая в качестве сурового критика литературных свойств книги (чего, по уставу 1828 г., вовсе и не требовалось от цензурных чиновников), Л. Роде абсолютно снисходителен как цензор. Малая известность Гейне в России 1829 г. делала возможным такой отзыв; особых подозрений у цензоров не возникало. Видимая литературная «добродетельность» маскировала иронию.

Снисходительный отзыв 1829 г. получил корректив в отзыве 1832, поступившем из провинции от «отдельного в Риге цензора» Граве (Цензурные Комитеты находились еще в Вильне, Одессе, а в Риге были так называемые «отдельные цензоры»). «Книга Песен» стала предметом нового цензурного рапорта — стала им по ошибке: о разрешении или запрещении той или иной книги одним из цензурных органов должно было быть известно всем другим и на все времена. Самый факт позволения «Книги Песен» прошел настолько незамеченным, что то же самое издание было прорецензировано вторично. И провинциальный цензор в 1832 г. оказался придирчивее и подозрительнее, чем цензор столичный в 1829 г.: правда, он не представлял о запрещении книги, но отмечал в ней сомнительные места. Кроме того, цензор Граве уже знает о других произведениях Гейне, и сравнение с ними делается им в пользу «Книги Песен», как заслуживающей снисхождения. Вот его рапорт:

«Здесь почти одна только тема, которую автор варьирует во всех этих стихотворениях, именно — его любовная грусть, которая заставляет его сокрушаться в разных выражениях. Помимо этого, он предлагает своим читателям несколько романсов и поэтических воспоминаний о путешествиях, совершенных им в разных местностях Германии. Правда, поэзия г. Гейне в известном смысле несколько причудлива и, кажется, он слишком возбуждает воображение. Все же его нельзя упрекать в направлении, столь предосудительном в некоторых других его произведениях, и только некоторые места должны быть отмечены. См. стр. 216: «Бог умер наверху и диавол внизу»⁴. Стр. 238—239: «Мне снилось, что я бог, сижу на небе, окруженный ангелами, которые хвалят мои стихи. И я ем пирожные и варенье не на один флорин, и пью пунш и не имею долгов. Но я скучал ужасно, и мне хотелось бы быть на земле, и если бы я не был богом, то отправился бы к чорту...»⁵. Затем, стр. 261, в причудливой фантазии, изображающей нечто вроде всеобщей гибели: «На своем троне восседает бледный бог, срывает корону с головы и хватается за волосы»⁶. Стр. 361, где автор обращается к богам греческой мифологии, как будто бы они живы, хотя и побеждены, и го-

ворит: «Когда я думаю о том, как малодушны и ветрены боги, победившие вас, эти новые грустно царствующие боги, эти лукавцы, одетые в овечью шкуру в знак смирения — ах, тогда мрачное негодование овладевает мною, и я хотел бы сражаться за вас»⁷. Стр. 363—364, юноша спрашивает море: «Что есть человек? Откуда он пришел? Куда он идет? Кто обитает в вышине, там, где золотые звезды?» Но море не отвечает, и поэт заканчивает: «Дурак ожидает ответа».

В сущности, нельзя усмотреть намерения автора в подобных местах. Все же нужно отметить, что большая часть стихотворений в этом томе не только действительно поэтичны, но также и непредвзвешены ни в каком отношении»⁸.

Комитет Цензуры Иностранной дал безоговорочное разрешение. Но через 19 лет тому же Комитету суждено было запретить восьмое издание «Книги Песен», при чем в качестве мотивировки и материала для цитат должны были фигурировать все те же стихотворения, которые были в первом издании и из числа которых иные отмечены и в рапорте. Разрешение в 1832 г. «Книги Песен» было последним в царствование Николая I случаем благополучного пропуска книги Гейне⁹.

III

Первое дело о книге Гейне, имеющееся в делах русской цензуры, хронологически предшествует приведенным выше рапортам о «Книге Песен» (1829 и 1832 гг.). И это первое дело уже содержит запрещение. Оно касается I тома «Путевых Картин», вышедшего в Гамбурге в 1826 г. Относится оно ко времени до 1828 г., т. е. еще до издания Устава о Цензуре, который действовал затем долгое время. До 1828 г. цензура иностранных книг не находилась в ведении общей цензуры, а была в ведении Министерства внутренних дел. Твердых правил, которых должна была придерживаться иностранная цензура, до 1828 г. не имелось, и вообще в постановке дела цензуры иностранных книг тогда не было определенной системы. Что же касается последних двух лет перед изданием нового Устава, то в цензурном отношении время это было весьма суровым: в области внутренней цензуры в эти годы имел силу так называемый «чугунный устав», предложенный в 1826 г. адмиралом А. С. Шишковым. А дело о запрете I тома «Путевых Картин» приходится как раз на 1827 г.

В состав этого тома «Reisebilder» входили, кроме «Путешествия по Гарцу», еще и стихотворные циклы: «Возвращение» и первая часть «Северного моря». Донесение цензора Мартини гласило:

«Эти «Reisebilder», которыми дарит нас г-н Гейне, содержат:

1. Стихотворные безделки, среди которых находится стихотворение под заглавием «Алмазюр», содержащее куплеты:

Auf den Stufen, wo die Gläubigen
Das Prophetenwort gesungen
Zeigen jetzt die Glatzenpfäfflein
Ihrer Messe fades Wunder¹⁰.

И ниже:

O ihr Säulen, stark und riesig,
Einst geschmückt zu Allah's Ruhme,
Jetzt müsst ihr dienend huld'gen
Dem verhassten Christentume¹¹.

2. «Путешествие по Гарцу». Описание полусентиментального путешествия по горам Гарца. В нем находятся фразы (стр. 140), подобные следующей: «...он показал мне королевский ганноверский катехизис... Книжка эта была очень плохо отпечатана, и я боюсь, что вследствие этого догматы религии сразу же производят на умы детей неприятное оберточно-бумажное впечатление; тоже страшно не понравилось мне, что таблица умножения, которая ведь плохо мирится с учением о

Троице, напечатана в самом катехизисе, именно на последней странице, и что дети через это уж в раннем возрасте могут быть введены в греховные сомнения...»

«Этого достаточно, и даже больше чем нужно, чтобы запретить эти «Reisebilder» г-на Гейне. 7 июня 1827»¹².

«Лысые попишки» (Glatzenpöflein) и «пресное чудо мессы» — первый момент, остановивший в приведенных цитатах внимание цензуры. Между прочим, в переводе М. Л. Михайлова, вошедшем и в последнее предреволюционное издание Гейне — 1904 г. — нет ни «лысых попишек», ни «пресного чуда», а сказано: «Нынче служат уж обедню христианские монахи». Что касается «ненавистного христианства», то эти слова вложены в уста героя стихотворения и даны в его прямой речи, не характеризуя, таким образом, точки зрения автора. Тем не менее, цензор инкриминировал их поэту. Цитата же из «Reisebilder» дает образчик более чем настороженного отношения цензуры к шуткам еще сравнительно мягким. (Впрочем, место, где говорится о противоречии между таблицей умножения и догматом троицы, тоже опускалось в старых изданиях — вплоть до издания 1904 г. включительно).

IV

Следующий случай запрещения книги Гейне относится к 1833 г. Все приводимые в дальнейшем запреты содержат ссылки на Устав 1828 г. с точным указанием его параграфов и являются осуществлением его принципов — применительно к Гейне.

Книги Гейне являлись идеальным сочетанием всех главных элементов, которые по Цензурному Уставу вызывали запрещение. Запрещения, которым подвергался Гейне, не были случайностью: они вытекали как из самого характера гейневского творчества, так и из основных принципов Устава. Устав 1828 г., по сравнению с предшествовавшим ему Уставом 1826 г., считался «либеральным», и «либеральность» эта заключалась в том, что в основу его было положено следующее правило, сформулированное в § 6:

«...Цензура обращает особенное внимание на дух рассматриваемой книги, на видимую цель и намерение автора, и в суждениях своих принимает всегда за основание явный смысл речи, не позволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону». Между тем, отношение предыдущего Устава к «двусмысленным» местам было прямо противоположное (ср. § 151 Устава 1826 г.: «Не позволяется пропускать к напечатанию места в сочинениях и переводах, имеющие двоякий смысл, ежели один из них противен Цензурным правилам»).

Но даже и «видимая цель и намерение автора», не говоря о побочных смыслах в произведениях Гейне, не могли удовлетворить требованиям цензуры.

Круг вопросов, поднимаемых Гейне, очень обширен; разнообразие тем и образов, затрагиваемых им, иногда по отдаленному поводу, или привлекаемых только ради сравнения, — совершенно исключительно. Ряд его произведений относится к области политической прозы. Он ставит злободневные, актуальные политические проблемы. В особенности вопросы европейской международной политики ставятся Гейне очень широко, с учетом реальной расстановки политических сил в Европе, и в частности суждения о николаевской России, носительнице и защитнице европейской реакции, занимают видное место в системе его высказываний. Но, кроме суждений по существу дела, Гейне касается России иногда по очень неожиданным поводам, пользуясь для сравнения каким-нибудь анекдотом из русской истории или случайной деталью, относящейся к России. Эти упоминания характерны: они свидетельствуют об определенном круге фактов и идей, которыми оперирует Гейне; ставя подобные замечания в определенный контекст, он тем самым придает ему нужное освещение. И суждениям Гейне о России (как по существу, так и «между прочим») в рапортах цензоров отведено не мало места.

V

В 1833 г. цензор В. Соц писал рапорт о французском переводе «Французских Дел»: «De la France par Henri Heine. Paris. 1833». «Французские Дела» — книга публицистическая, насыщенная политической тематикой. Влиятельность Гейне по отношению к русской литературе, оказалась бы тем больше, что многие произведения его существовали в авторизованных французских переводах. А французская книга в России имела гораздо более широкое распространение, чем немецкая. И если в 1829 г. Гейне — неизвестный и ничем не замечательный писатель, то теперь, в 1833 г., рапорт начинается с указания на биографический факт — на переселение Гейне в Париж; Гейне и как писатель и как личность — уже вполне определенная фигура, не требующая пояснений со стороны цензора.

«Чтоб удобнее и безопаснее предаваться революционным побуждениям, — пишет цензор Соц, — Генрих Гейне переселился во Францию. В письмах своих изображает он картину состояния сего государства в 1831 и 1832 г., наполненную критическими и сатирическими замечаниями о правительстве, политике, партиях и разных достопамятностях. Сему описанию Франции предшествуют: 1. Известие издателя, объясняющего дух и образ мыслей Генриха Гейне, и 2. Предисловие автора, упрекающего жителей Германии в равнодушии к угнетающим их злоупотреблениям и представляющего в пасквильных чертах правление и политику императора Австрийского и короля Прусского. Приведем несколько мест, свидетельствующих о предосудительном направлении сей книги¹³:

Стр. 3. «Когда мы достигнем того, что масса станет понимать настоящее, тогда народы не позволят наемным писакам аристократии разжигать войну и раздор, тогда осуществится великое единение народов, священный союз наций; ... мы воспользуемся мечами и конями солдат для обработки земли и достигнем мира и благосостояния и свободы».

Стр. 9. «Что до Пруссии, то о ней мы можем говорить в другом тоне¹⁴. Здесь нас не сковывает благоговение перед святостью немецкой императорской главы... Я скорее думаю, что его королевское высочество, вместо того чтобы стать продолжателем Карла Великого, будет лишь продолжателем Карла X и Карла Брауншвейгского».

Стр. 19. «Я с удовольствием отмечаю, что Фридрих-Вильгельм III, как человек, заслуживает глубокого уважения и любви... Он добр и храбр. Он показал себя стойким в несчастье и, что еще реже, кротким в счастье. Он целомудрен сердцем, трогательно скромн, бюргерски непритязателен, отличается добрыми семейными нравами, отцовской нежностью, особенной нежностью к прекрасной царице, каковой нежности мы, быть может, обязаны холерой и еще большим злом, с которым бороться будут лишь наши потомки¹⁵. Кроме того, король прусский очень верующий человек, он твердо стоит за веру, он хороший христианин, он строго придерживается евангельского исповедания, он сам написал литургию, он верит в символы — ах, я хотел бы, чтобы он верил в Юпитера, отца богов, который отомщает клятвопреступление, и чтобы он дал нам наконец обещанную конституцию¹⁶.

Стр. 22. «...Аристократы со своей стороны признали, что христианство очень полезная религия... и что тот, кто съедает своего бога, в силах переварить очень много вещей».

Стр. 301. «Священные июльские дни Парижа! вы вечно будете свидетельствовать о врожденном благородстве людей, которое никогда не может быть совершенно истреблено. Кто пережил вас, тот не плачет больше на старых могилах, но радостно верит в воскресение народов».

Стр. 346. «Карл Стюарт¹⁷... претерпевает внезапное превращение, и если пристальнее взглянуть, там не король, но убитая Польша лежит в черном гробу, а над ним стоит не Кромвель, но русский царь, — благородный мощный образ — такой же великолепный, каким я видел его несколько лет тому назад в Берлине,

когда он стоял на балконе рядом с королем прусским и целовал ему руку. Тридцать тысяч берлинских зевак вопили: «ура!», а я думал про себя: бог да помилует всех нас! Я ведь знал сарматское изречение: руку, которую не хочешь отрезать, нужно целовать».

Мы полагаем, что книга сия на основании § 9 Устава о Цензуре должна быть запрещена для публики.

Октябрь 1833»¹⁸.

Приведенные цензором примеры с достаточной полнотой показывают диапазон гейневской «предосудительности»: здесь, на ряду с «неуважительным» упоминанием о «предметах важных и высоких» (слова о христианстве на стр. 22), на ряду с прославлением июльской революции (на стр. 301) и грядущего освобождения человечества (на стр. 3), — сетования о раздавленной Польше и оскорбление монархов: Фридриха-Вильгельма III и Николая I (насмешки над конституционной монархией Луи-Филиппа были не в счет; цензора не отмечали их). Последнее и послужило главным мотивом запрещения, как это явствует из ссылки на § 9, ограждавший честь «Российского Правительства и Правительств, состоящих в дружественных с Россиею отношениях». Последняя цитата, приводимая В. Соцом (о Николае I), имеет непосредственное продолжение (следующий абзац), где отношение Гейне к ж. николаевской России и к политике Николая сформулировано еще резче («Ах, я желал бы, чтоб король прусский дал тогда поцеловать себя и левую руку, а правой схватил бы меч и покончил бы с опаснейшим врагом родины, как того требуют долг и совесть...»).

Это место, так же как и строки о «священных июльских днях», цитируется и в донесении цензора Г. Дукшинского о первом томе «Салона», содержание которого частично совпадало с содержанием книги «О Франции» (в него вошли письма Гейне о Парижских выставках 1832 и 1833 гг.).

Отзыв о «Салоне» относится к 1834 г. «...Предосудительный дух сочинений Гейне, — пишет Дукшинский, — известен Комитету; несмотря на скромность предметов, он успел наполнить приведенные статьи революционными мыслями, оскорбительными выходками против России и изъяснениями, предосудительными в нравственном и религиозном отношениях...» (Рапорты К. Ц. И., 1834, дело № 605).

К 1834 г. относится еще один документ о Гейне — отзыв Л. Роде о книге «К истории новой изящной литературы в Германии» («Zur Geschichte der neuen schönen Literatur in Deutschland. Leipzig. 1833») — томы I и II. Произведение это вошло затем в состав книги «Романтическая школа», соответствуя целиком двум первым ее частям и началу третьей. Вот этот отзыв:

«В первом томе этого труда, посвященного истории немецкой изящной литературе нашего времени, автор говорит о романтической школе вообще, а во втором томе он высказывается о корифеях этой школы, главным образом о господах Шлегеле, Тике, Шеллинге и т. д. Этот труд не что иное как перевод статьи, которую он напечатал в Париже в известном журнале «l'Europe littéraire». Имя г. Гейне неизвестно Комитету, так как недавно была запрещена Ценсурой продажа французской книги того же автора. Комитет, таким образом, достаточно знает предосудительный дух, в котором автор высказывается о предметах политических и религиозных. Что до политических рассуждений, то их лишь совсем немного или почти нет в сочинении, которое является предметом нашего доклада, потому ли что автор, обращаясь к литературным кругам Европы, должен был воздержаться от политических суждений или потому, что этот журнал политики не касается. Но тем больше встречается здесь рассуждений, затрагивающих религию, преимущественно в первом томе, из которого мы приведем целый ряд выдержек»¹⁹.

Стр. 8 и 9. «Хотя во Франции под именем христианства разумеют лишь римский католицизм, все же я должен особо оговориться, что имею в виду только его. Я говорю о той религии, главные догматы которой содержат осуждение всякой плоти, и которая не только предоставляет духу верховную власть над плотью, но даже стремится умертвить ее, чтобы возвеличить дух... я говорю о той

503

Reuvres de Henri Heine
Tome II. Reizbilder - t. I.
Paris. 1834. imp. de Plazan
in 8°
384 p.

Сочинения Гейне собраны
уже известным цензуром, с
тотом нумерацией, с тем не
много это как собрание Афро-
фриков о разных предметах.
Порядок известным направлением
сво Автора — это направление
состо собранием — шутка, с
иронией все сего злобная Воображения
ирония и другая сиротинная ^{и шутка} царя
интересными Религия и Антарктика,
но собрание тотом Гейне нумерация
кажд двух в лицо и шутки
его переходит. он к близкому
деланию в собрании и каждому
до возможности предметов
Торжества и собрания Соединения
собрания предметов от шутки
и образ его воображения предметов
то то Автора его шутки не
состо этого название собрания
предметов, но от невозможности
в шутки отметки.

Книга не выдана с цензурой по указанию
Комитета Цензуры, выдана, по указанию
Императорского Цензуры, 1835 года.

религии, которая своим учением о греховности всех земных благ, о собачьей покорности и ангельском терпении стала верной опорой деспотизма. Люди узнали теперь сущность этой религии, они больше не позволяют кормить себя ассигновками на небо, они знают, что в плоти тоже есть хорошее... Именно потому, что мы теперь вполне понимаем все последствия этого абсолютного спиритуализма, можно думать, что христианско-католическому мировоззрению приходит конец».

Стр. 24. «Если Гомер изображает доспехи героя, то это не что иное, как хорошие доспехи, которые стоят столько-то и столько-то волов; но если монах средневековья описывает в своем стихотворении юбки богоматери, то можно быть уверенным, что под этими юбками он разумеет различные добродетели, что особый смысл скрывается под этими священными покровами незапятнанной девственности Марии, которая, поскольку сын ее есть зерно миндаля, естественно должна быть воспеваема как миндальное дерево!...»

Стр. 122. «В произведениях всех великих писателей в сущности совсем не бывает второстепенных персонажей, каждое лицо есть главный персонаж на своем месте. Такие писатели подобны абсолютным монархам, которые не придают людям никакого самостоятельного значения, но признают за ними то или иное достоинство лишь по своему благоусмотрению. Когда французский посланник однажды в разговоре с русским императором Павлом, упомянул, что один важный человек в его государстве интересуется каким-то делом, император строго перебил его замечательными словами: «В этом государстве нет важного человека, кроме того, с которым я говорю, и он важен только пока я с ним говорю».

Говоря о «Фаусте» Гете, автор замечает:

Стр. 126. «Но в самом деле эта книга — словно библия, и подобно ей охватывает землю и небо вместе с человеком и его экзегезой».

Стр. 129—131. «Но нет, знание, познавание вещей путем разума, наука дает нам наконец те наслаждения, которых так долго лишала нас вера в католическое христианство; мы сознаем, что люди призваны не только к небесному, но также и к земному равенству; политическое братство, которое проповедует нам философия, для нас благотворнее, чем то чисто духовное братство, к которому ведет нас христианство; и знание становится словом, и слово становится делом, и мы еще при жизни на этой земле можем вкушать блаженства; если же мы сверх того после смерти станем сопричастны блаженству небесному, которое так уверенно обещает нам христианство, то это нам должно быть очень приятно...»

Но этого довольно, чтобы показать опасный дух этого маленького тома и чтобы вполне обосновать наше предложение о запрещении его на основании § 3 Устава...» (Рапорты К. Ц. И., 1834, дело № 16. Текст Гейне цитируется в оригинале по-французски).

VI

Из цитированных донесений видно, что цензура видела в Гейне врага опасного и сильно и откровенно выражала эти свои опасения. Самый тон отзывает категорически строг. Иной оттенок в отношении к Гейне дают отзывы В. Ф. Одоевского (служившего библиотекарем Комитета и выступавшего временами также и в качестве цензора) о двух томах французского издания²⁰ сочинений Гейне (Oeuvres. Paris. 1834). Содержание рецензированных Одоевским томов (II и III) составляют «Reisebilder», при чем в этом французском издании расположение отдельных частей «Путевых Картин» не то, что во всех других изданиях: в состав II тома этих «Oeuvres» входит «Италия», а в III находятся — сперва «Английские Фрагменты», затем «Гарц» и «Книга Ле-Гран», наконец «Шнабельвонский» (собственно не относящийся к составу «Reisebilder», взятый из цикла «Салона»). В рапорте В. Ф. Одоевского сделана попытка смягчить оценку. Однако вывод — тот же, что и в других случаях, — необходимость запрещения. Вот первый рапорт Одоевского (о II томе «Oeuvres», т. е. 1-й части «Reisebilder» — об «Италии»):

«Сочинения Гейне довольно уже известны Цензуре; сей том путешествий есть не иное что как собрание афоризмов о разных предметах. Трудно определить направление сего автора — это направление есть собственно шутка; его ирония не есть злобная Вольтерианская ирония, имеющая скрытую или явную цель опровергнуть религию и монархию, но со всем тем Гейне шутит надо всем в мире, и шутки его переходят от немецкого демагога в старинном платье до возвышеннейших предметов божества и святых. Соединение святых предметов с низкими и образ его выражений производит то, что хотя его шутки не могут быть названы собственно вредными, но они неприличны в высшей степени.

Нет возможности выписать все сии шутки, ибо встречаются почти на каждой 5-й странице и часто их предосудительность зависит от места, на котором они поставлены. Хотя Гейне и уверяет, что он христианин и предан монархическим правилам, но не думаю, чтобы прилично было для всех в России позволить подобные фразы:

Стр. 11. «Я самый вежливый человек в мире, я люблю карпов в масле, иногда я верю в воскресение из мертвых...»

Стр. 132. «Видишь ли, сказал мне странный святой, высеченный из самого новейшего мрамора в самые новейшие времена, мои древние товарищи не могут понять, почему император Наполеон так старался об окончании собора. Но я то знаю, он предвидел, что во всяком случае этот большой каменный дом будет весьма полезным зданием, и что им можно будет пользоваться, когда христианство кончится».

Стр. 140. «Слава Французам! они потрудились для удовлетворения двух величайших потребностей человеческого общества: хорошей кухни и гражданского равенства» и т. д. и т. д. до конца стр. 141, где между прочим встречается следующая фраза:

Стр. 141. «И мы тоже хотим жить и умереть с этой верой в свободу, которая быть может гораздо больше заслуживает название религии, чем тот мертвый и пустой призрак, который мы еще называем так по привычке...»

«В одном месте лицо, выведенное на сцену автором, называет картину богородицы *la prima donna avec l'enfant Jésus*»²¹.

См. также стр. 67, 68, 113, 114, 120, 121, 139, 140, 141, 143, 145, 199, 241, 243, 328, 329, 348, 355.

Применяясь к § 8-му Устава о Цензуре, мы полагаем, что сия книга должна быть запрещена для публики. 13 декабря 1834»²².

Чрезвычайно характерно, что Одоевский отмечает места, сомнительные главным образом по фразеологии, отмечает не столько мысли, сколько «выражения». Между тем, именно в этом томе находятся знаменитые антиклерикальные главы, из которых Одоевский цитат не дает, ограничиваясь лишь ссылками на страницы.

Одоевский дает весьма меткое определение приема гейневской шутки: «соединение святых предметов с низкими»; правда, он старается умалить ее значение (она — «не есть злобная Вольтерианская ирония»), но, уклончиво затрудняясь «определить направление сего автора», Одоевский, собственно, уже затрагивает двойственность, «противоречивость» Гейне.

Рапорт Одоевского о следующем томе «Oeuvres» («Reisebilder») продолжает ту же линию оценки:

«Сие отделение сочинений Гейне во всем подобно первому, о коем в свое время был представлен рапорт. Оно наполнено отдельными мыслями и особенно выражениями, которые не могут быть позволены в России.

Стр. 271. «И остров св. Елены станет гробом господним, куда народы Запада и Востока будут совершать паломничества на кораблях, разукрашенных флагами, и сердце их будет укрепляться великим воспоминанием о земном Христе, пострадавшем при Гудсоне-Ло, как написано в евангелиях от Лас-Казаса, О'Мира и Антоммархи».

Стр. 8. «Свобода быть может есть религия нашего времени, и это тоже религия, которую проповедают не богатым, но бедным, и она тоже имеет своих апостолов, своих мучеников и своих искарриотов».

Стр. 315...

Стр. 364. «Если жаркое было уж совсем скверное, мы спорили о бытии бога. На стороне господ бога всегда было большинство. Во всем обществе было только три атеиста, но их можно было убедить, когда на десерт нам подавали хорошего сыру».

Мы выбрали все сии места на удачу — книга наполнена ими.

Все эти шутки неприличны и потому мы полагаем, что эта книга не может быть позволена для публики»²⁸.

О двух других томах французского издания сочинений Гейне (V и VI) отзыв писал В. Соц²⁹. Эти два тома объединены заглавием «О Германии» (De l'Allemagne. Paris. 1835) и состоят из двух произведений Гейне: «К истории религии и философии в Германии» и «Романтическая школа»; в конце VI тома (2-й части «О Германии») в качестве приложения дан перевод биографического предисловия Фосса к стихотворениям Гельти (под названием «Жизнь Гельти») и «Отрывков Фалька о Гете». Но внимание цензора останавливал только текст Гейне: все выдержки — только оттуда.

«Гейнрих Гейне посредством сего сочинения знакомит Французов с религиозными, философскими, литературными и художественными понятиями и представлениями Германцев, объясняющими умственное и общественное их состояние. Рассматривая с этой стороны быт соотечественников своих в средние века, во время реформации и в эпоху Французской революции, он замечает главные черты сходства или противоположности в характере двух народов и по сим признакам заключает о предстоящих ужасах, коими революция в Германии должна ознаменоваться в свою очередь. Касаясь между прочим влияния, какое католицизм имел в разные времена на религиозные понятия Германцев, автор нередко дает волю своему остроумию и выражается неприлично о предметах важных и высоких. Приведем несколько таких примеров, обезображивающих его сочинение и сообщающих ему предосудительное направление. (Выдержки: ч. I, стр. 12—13, 14—15, 52, 74, 89, 99, 225; ч. II, стр. 122, 169, 196).

Находя сии и сим подобные места, встречающиеся в сем сочинении, противными 1-му пункту § 3 и § 8 Устава о Цензуре, представляем о запрещении оного для публики. 4 декабря 1835»²⁸.

«Романтическая школа», изданная отдельно в 1836 г. («Die Romantische Schule von H. Heine. Hamburg. 1836») (в оригинале и полностью), еще раз сделалась темой рапорта и вновь была запрещена (по рапорту Л. Роде, 1837 г., дело № 125). Что касается «Романтической школы» и «Истории религии и философии в Германии», то круг их тематики очерчен заглавием: это — область литературы, философской мысли, вопросов веры. Гейне в этих произведениях не касался по существу конкретных (и злободневных с русской точки зрения) политических фактов; отдельные упоминания являются лишь по ходу изложения как второстепенный элемент. В цитатах, приводимых из этих книг, преобладают места, направленные против христианства или высматривающие его символы, его культ, его представителей, а равно и сравнения, в которых привлекаются образы и понятия из сферы религии. Внимание цензоров сосредоточено на «неприличных» шутках и выходках, на непочтительных сравнениях и легкомысленных метафорах.

С суждениями Гейне на конкретные и близкие России, чисто политические темы цензура столкнулась в 1835 г., когда на отзыв поступила изданная в 1831 г. с предисловием Гейне книга «Кальдорф о дворянстве в письмах к графу М. Мольтке» (Kahldorf über den Adel. Herausg. von H. Heine. Nürnberg 1831). Книгу цензуровал Л. Роде и признал ее неприемлемой, — гораздо больше из-за предисловия Гейне, чем из-за содержания основного текста:

«Г-н Гейне, известный цензуре, как и вообще публике, многими сочинениями, написанными с большим остроумием и нередко блестящим стилем, но вместе с тем в очень предосудительном духе, издавая эту брошюру г-на Кальдорфа, предпосылает ей предисловие, вышедшее из под его собственного пера и не менее предосудительное, чем все, написанное им до сих пор. Уже первые две строки предопределяют дух, который в нем господствует. Г-н Гейне говорит: «Галльский петух пропел во второй раз²⁶, и в Германии тоже начинает брежжить день». Мы прибавим к этому то, что он говорит на стр. 24—27: «Но во Франции солнце свободы горит все ярче и ярче и лучи его освещают целый мир...»²⁷. Странная перемена! в этой беде аристократия обращается к тому самому государству, которое она в последнее время считала злейшим врагом своих интересов и ненавидела, она обращается к России. Великий царь, который недавно лишь был гонфалоньером свободы, который враждебно противостоял феодальной аристократии и казался вынужденным враждовать с нею и впредь, этот царь избирается этой самой аристократией в знаменосцы и должен стать ее передовым бойцом. Хотя русская государственность покоится на антифеодальном принципе равенства всех подданных, которых не рождение, но заслуженный чин возводит в известный ранг, все же, с другой стороны, абсолютный царизм непримирим с идеей конституционной свободы, которая ничтожнейшего подданного может защитить даже от благодетельной княжеской прихоти; и если император Николай из-за этого принципа гражданского равенства был ненавидим феодалами и, кроме того, в качестве явного врага Англии и тайного врага Австрии при всей своей мощи являлся фактическим представителем либералов, то все же он стал величайшим противником последних с конца июля [1830 г.—А. Ф.], с тех пор, как побеждающие идеи конституционной свободы угрожают его абсолютизму, и европейская аристократия могла вызвать его, именно как самодержца, на борьбу со свободной Францией. Английский Буль обломал свои рога в этой борьбе, и теперь его роль должен взять на себя русский волк. Высокая европейская знать достаточно хитро умеет пользоваться для своих целей пугалом московских лесов и приручает его надлежащим образом... Ах! Волк надед на себя весь гардероб старой бабушки и раздирает вас, бедные красные шапочки свободы! Мне кажется, пока я это пишу, будто кровь Варшавы брызжет даже на мою бумагу и будто я слышу радостные клики берлинских офицеров и дипломатов. Не слишком ли рано они ликуют? Не знаю, но мне и нам всем так страшен русский волк, и я боюсь, что и мы, немецкие красные шапочки, скоро почувствуем бабушкины неуклюже длинные руки и большую пасть...»²⁸

«Что до самой книги, то автор высказывается в ней с гораздо большей умеренностью, и дух, господствующий в ней, гораздо менее предосудителен, чем дух предисловия; но, несмотря на это, мы не можем ее одобрить (следует выдержка, стр. 114—116).

«Мы показали тот предосудительный дух, который господствует в предисловии и в самой книге, и мы уверены, что Комитет согласится с нами, если мы предложим запретить эту брошюру для публики на основании § 3 Устава о Цензуре. 13 сентября 1835»²⁹.

Все приведенные до сих пор отзывы относятся к тому времени, когда имя Гейне было тесно связано с Молодой Германией—буржуазно-революционной группировкой немецких писателей. В западноевропейских литературных группировках Комитет Цензуры Иностранной разбирался не хуже, чем русская журнальная критика. И в цензурных рапортах имя Гейне упоминается также и по поводу книг представителей Молодой Германии, в окружении таких имен как Гуцков, Лаубе, Винбарг, Бёрне и др.

Цензура не только запрещала книги писателей Молодой Германии; она поощряла их противников, если это нужно было, брала их под свою защиту.

Так была дозволена—всё тем же Роде,—антисемитская и антифранцузская брошюрка, направленная тоже против Молодой Германии и имевшая причудливое

французско-немецкое заглавие: «Die Jeune Allemagne in Deutschland», Stuttgart, 1836³⁰. В отзыве цензора слышится одобрение:

«Анонимный автор пытается показать в этой брошюре, как французы и евреи подкапываются под немецкую национальность. Он выражается с большой горячностью, но не высказывает ничего такого, что могло бы заставить цензуру запретить свободную продажу этой брошюры»³¹.

Есть рапорт, в котором цензор вступает за Вольфганга Менцеля, отступника и изменника Молодой Германии, тоже вызывавшего прежде, в пору своих либеральных и радикальных мнений, запреты со стороны русской цензуры. Теперь, когда Молодая Германия обрушивается на него, он в лице русского цензора приобретает жалостливого защитника. Дело шло о первом томе «Литературного Ежегодника», составленном из статей приверженцев «Молодой Германии» и украшенном портретом Гейне (Jahrbuch für Literatur. Erster Jahrgang. 1839. Hamburg). В рапорте Л. Роде (от 17 января 1840 г., д. № 48) сказано: «Немецкая литература наших дней служит предметом этой книги. В ней главным образом говорится о том, что обычно называют Молодой Германией... В ней говорится о таких писателях, как Гукков, Лаубе, Виль, Винбарг, Менцель, этот бедный Менцель, который теперь является мишенью для насмешек...»

Статья Гейне «О доносчике», написанная против Менцеля, обличения которого играли роль своего рода публичного доноса на Молодую Германию, подверглась запрещению. Не разрешенная немецкой цензурой в качестве предисловия к III тому «Садона», вещь эта была издана отдельной брошюрой, и отзыв о ней дан был рижским цензором Граве.

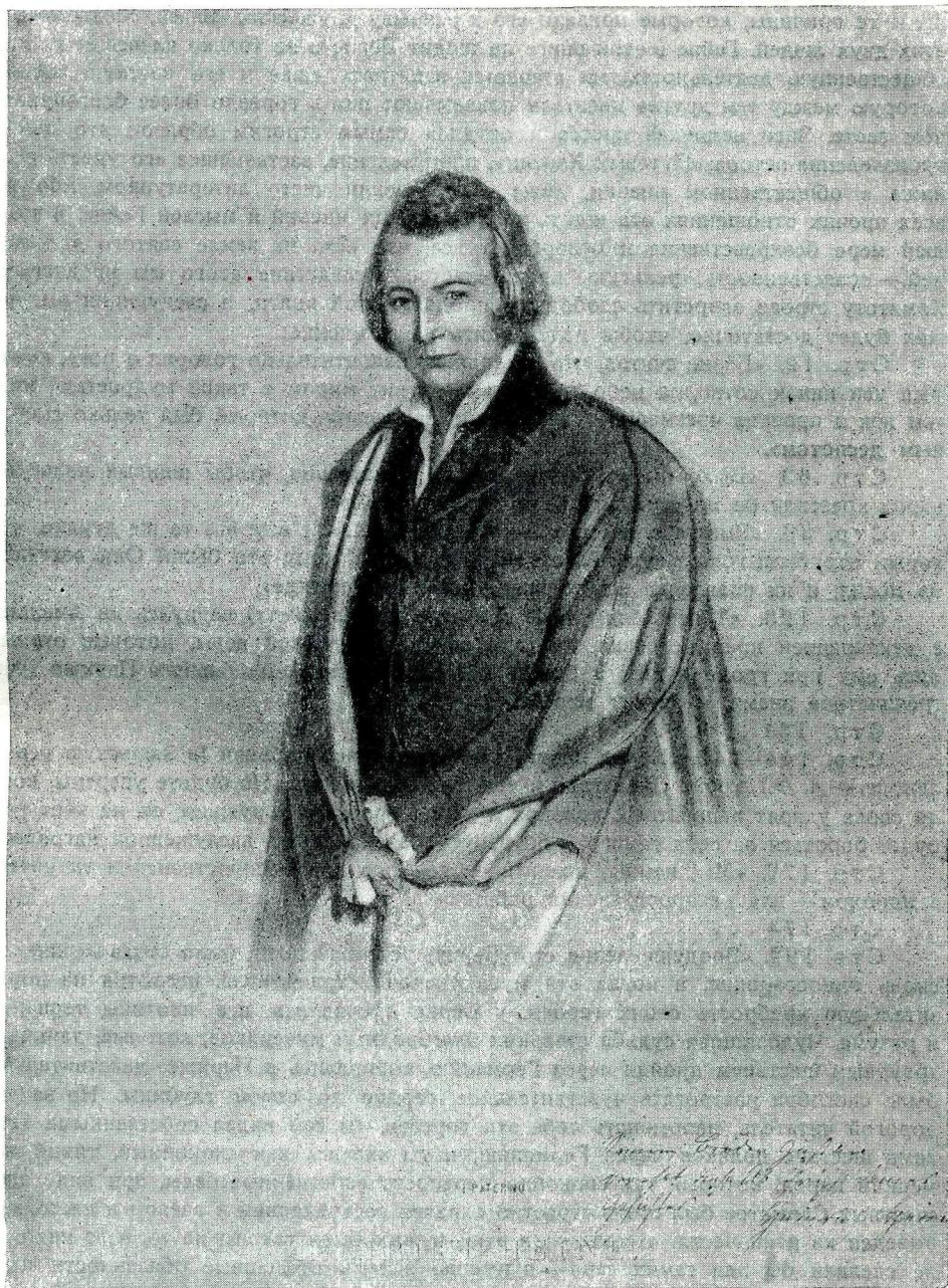
Мнение Комитета Цензуры Иностранной по этому поводу было запротоколировано следующим образом: «Комитет, находя из этих мест одно предосудительным в отношении к Российскому правительству, а последнее несколько щекотливым в ценсурном отношении, по неудобности исключения замеченных г. цензором страниц из небольшой брошюрки и по неважности этого сочинения, положил: запретить оное для публики»³².

VII

Но вот Гейне порывает с Молодой Германией.

Декларацией разрыва была книга о ее идейном вожде—Лудвиге Бёрне (1840), только что умершем. Относительно прогрессивная, революционизирующая роль этой группы к тому времени (конец 1840-х гг.) была окончена; но ореол революционности оставался. Объективно отход Гейне был отходом налево, а не направо (каковы бы ни были отдельные личные мотивы); преодоление либерально-буржуазного демократизма Молодой Германии было для Гейне важным шагом в направлении к научному социализму. Недаром сближение Гейне с Марксом относится как раз ко времени после издания книги о Бёрне³³. Но члены Молодой Германии оценили этот факт, разумеется, иначе—как измену их делу, делу революции «вообще», как отход вправо. Гейне сделался предметом ожесточенных нападок, и суть их сводилась к обвинению в беспринципности, в моральном и политическом нигилизме.

Хотя деятельность Молодой Германии вызывала очень неодобрительное отношение русской цензуры, все же в глазах последней книги «О Лудвиге Бёрне» оказались явлением еще более опасным; Гейне оказался страшнее и революционнее, чем Бёрне: он решился отрицать большее, чем Бёрне. Гейне затрагивал в ней также и вопрос о взаимоотношении Польши и России; он с иронией говорил о поляках и с ненавистью о политике национального угнетения, которую вело правительство Николая I; насмешки над поляками были насмешками над слезливым национализмом, и в основе их лежал революционный космополитизм, предчувствие мировых социально-политических сдвигов. Отзыв цензора Г. Нагеля (8 апреля 1844 г.) очень характерен:

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Литографированный портрет с дарственной надписью поэта своему брату Густаву:
Seinem Bruder Gustav verehret diese Abschrift Seines Gesichtes Heinrich Heine»

Институт Русской Литературы, Ленинград

«Целью автора этой книги было—показать отношения, какие он имел с Бёрне, и те причины, которые привели его к разрыву дружеских связей, соединявших этих двух людей. Гейне в этой книге не щадит Бёрне и не только клеветает на его общественную деятельность, но старается запятнать даже и его частную жизнь, которую между тем другие писатели показывают нам в гораздо более благоприятном свете. Зато немецкая пресса и осудила самым строгим образом это новое произведение автора «Путевых Картин», произведение, заставившее его упасть еще ниже в общественном мнении, даже в отношении чисто литературном, ибо во всех прочих отношениях эта книга, полная личных мнений и мыслей Гейне, в высшей мере безнравственна и оскорбляет все, что есть на земле святого для людей,—нравственность, религию, правительство. Вследствие этого мы предлагаем Комитету строго запретить свободную продажу этой книги, и следующих выдержек будет достаточно, чтобы подтвердить наше мнение:

Стр. 19. «Бёрне считал, что я слишком непочтительно говорил о боге, который как никак сотворил небо и землю и правит миром с такой мудростью, меж тем как я проявил чрезмерное уважение к Наполеону, который был только смертным деспотом».

Стр. 63. «Было бы во всяком случае желательно, чтобы швиный польский народ крестили не простой водой, но о-де-колоном»³⁴.

Стр. 83. «Вместе с тем там [во Франции.—А. Ф.] еще всё те же дураки, которым отрубили головы уже 50 лет тому назад... К чему это было! Они восстали из могил, и их правление еще безрассуднее, чем прежде».

Стр. 123. «Теперь минуло 60 лет, как он (Лафайетт) вернулся из Америки с декларацией прав человека, десятью заповедями новой веры, которые открылись ему при громаде пушек и блеске молний... И снова на башнях Парижа веет трехцветное знамя, и звучит марсельеза!»

Стр. 131

Стр. 144—145. «Народ ничего не достиг своей победой [в июльскую революцию.—А. Ф.], кроме сожалений и еще большей нужды. Но будьте уверены, когда снова ударят в набатный колокол и народ бросится к ружьям, он на этот раз будет бороться за себя самого и потребует своей хорошо заслуженной награды».

Стр. 172. «Мы, немцы, пользуемся печатью для распространения глупости, а порохом—для распространения рабства».

Стр. 174

Стр. 192. «Воодушевление его (Бёрне) делом Польши было столь же кипуче, сколь односторонне, и когда эта мужественная страна пала, несмотря на поразительную храбрость своих героев, у Бёрне прорвались все плотины терпения и разума. Чудовищная судьба стольких благородных мучеников, которые, длинным траурным шествием пройдя через Германию, собирались в Париже, действительно была способна растрогать чувствительное сердце до самой глубины. Но зачем, дорогой читатель, напоминать тебе эти горести, ты сам видел собственными глазами шествие поляков через Германию, и ты знаешь, как спокойный, тихий немецкий народ, который так спокойно переносит собственные беды, при виде несчастных Сарматов был столь страстно охвачен состраданием и гневом и настолько выведен из равновесия, что мы ради этих чужих были готовы на то, чего никогда не сделали бы для самих себя—а именно забыть священные обязанности подданства и совершить революцию... в пользу поляков».

Стр. 195. «Жаждой деятельности бились наши сердца, когда они (поляки), сидя у камина, рассказывали нам, как много они вытерпели от русских, сколько горя, сколько ударов кнута. К словам об ударах мы прислушивались еще более внимательно, ибо тайное предчувствие говорило нам, что русские удары, которые эти поляки уже получили,—те самые, что нам еще предстоит принять в будущем. Немецкие матери в испуге хватались за головы, слушая, как император Николай, людоед, каждое утро съедает трех польских младенцев, живьем, с уксусом и маслом».

Стр. 198. «Единственная польза, которую они (поляки) принесли нам, это—та ненависть к России, которую они посеяли у нас и которая, постепенно разрастаясь в немецкой душе, тесно соединит нас всех, когда пробьет великий час и когда нам суждено будет защищаться против того страшного великана, что спит сейчас и растет во сне, касаясь стопами душистых садов востока, упираясь челом в Северный Полюс, грезя о новой всемирной империи. Германия должна будет вступить в бой с этим чудовищем, и потому хорошо, что мы рано учимся ненавидеть русских, что эту ненависть возбуждают в нас, что и все другие народы принимают в этом участие... это услуга, которую оказывают нам поляки, скитающиеся ныне по всему свету проповедниками ненависти к России».

Стр. 203. «Свет, который некогда они принесут к себе домой, может быть, разольется далеко на крайний северо-восток, и зажжет пожаром мрачные сосновые леса, так что в свете вспыхнувшего сияния наши враги будут оглядывать друг друга и ужаснутся... и станут душить друг друга в безумии взаимного ужаса и избавят нас от опасности своего нашествия. Провидение порой ввергает свет самым неумелым рукам, чтобы в мире возгорелся спасительный пожар...» и пр.

Стр. 220. «Вот там—площадь Людовика XVI, где был показан великий пример...» и пр.

Стр. 233. «Во времена революции нам остается выбор: убивать или умирать». Подобные же места находятся еще на стр. 238, 255, 278, 287, 200, 294, 301, 306, 307 и т. д.»³⁵.

Польский вопрос был актуальной революционной темой. В своих произведениях 30-х годов Гейне отдал очень серьезную дань увлечению им. Теперь он высмеивает это увлечение, низводя польский вопрос на степень частного вопроса. Но отрицательное и презрительное отношение к полякам оказалось в таком контексте, который менее всего мог заслужить доверие русской цензуры. И даже Бёрне, бывший отнюдь не в милости у русской цензуры, но здесь явившийся жертвой Гейне (подобно тому как раньше это было с Менцелем), вызывает сострадание цензора Нагеля; вражда Гейне служит рекомендацией его противнику. Цензура в данном случае оценила соотношение сил (Гейне—Бёрне) иначе и вернее, чем это делали иные литературные критики (из русских критиков, например, Н. И. Греч), и только ссылка на западноевропейское «общественное мнение», в котором Гейне «упал еще ниже», была не вполне уместной (Гейне в Германии упрекали в измене революции, и цензура в этом отношении словно брала в союзники Молодую Германию).

В 1842 г. автор, укравшийся под псевдонимом «Последователь (или преемник) Гейне (H. Heine's Nachfolger)³⁶, издал в Гамбурге, где именно издавался Гейне, двухтомную книгу под названием «Путевые Эскизы» (Reiseskizzen. Episteln an Madame). Книга, подобно «Книге Ле-Гран», имела форму обращения к некоей «сударыне» (Madame). Цензор Г. Нагель предположил, что истинный автор книги—настоящий Гейне. Именно характер суждений (и притом суждений о России) явился поводом к такой догадке. Руссофобия, как признак Гейне, бросилась в глаза цензору и ввела его в заблуждение насчет автора книги:

«Эпиграф, который мы находим вслед за заглавием этого путешествия³⁷, приблизительно указывает направление, которое впрочем можно было ожидать. Автор этих «Путевых Эскизов», в котором под псевдонимом «последователь Гейне» можно узнать самого Гейне, в ряде сатирических писем к одной даме рассказывает воспоминания своей молодости, часто делая иронические намеки на связь, существовавшую между ним и этой особой; он перемежает свое повествование об исторических событиях новеллами, анекдотами и фантастическими рассказами. Страны, где на этот раз путешествовал автор, суть Дания и некоторые государства северной Германии, которые преимущественно служат предметом его сарказмов. Автор также пользуется малейшим поводом, чтобы с яростью напасть на

Россию и ее установления и, часто возвращаясь к этому предмету, он, так сказать, считает своим долгом представить в самом невыгодном свете все, относящееся к этой стране....

Принимая во внимание, что почти все сочинения этого автора [т. е. настоящего Гейне. — А. Ф.] запрещены и что эти «Путевые Эскизы» вследствие того духа, который в них господствует от начала до конца, не заслуживают более снисходительного отношения, мы предлагаем запретить эти два тома для публики»³⁸.

Итак, в представлении цензуры сложился настолько определенный политический образ Гейне, что на основании тех или иных его признаков (руссофобия, вольнодумство, «тираноедство») автору можно было приписать чужое произведение, — хотя бы другие элементы тематики и стиль не являли черт сходства.

VIII

К тому времени, к которому относится только что приведенный документ, читатель русской книги лишь начинал знакомиться с ранней лирикой Гейне — по стихотворным переводам, печатавшимся в журналах с конца 30-х годов. Это были переводы из разрешенных книг Гейне — из «Книги Песен», из «Лирического Интермеццо»³⁹.

Притом переводились стихотворения, еще наиболее близкие к романтической поэзии, так что даже из сравнительно узкого круга раннего творчества Гейне были почерпнуты далеко не самые характерные для поэта черты, не то, что было в нем нового, а то, что скорее роднило его со старым. Методы перевода только усиливали эту традиционно-лирическую сторону. Проза же оставалась мало известной.

Правда, она находилась под цензурным запретом, а запретительные отзывы цензоров отнюдь не способствовали ознакомлению публики с творчеством писателя. И не для публики писались эти отзывы. Все же цензурная история сочинений писателя еще не определяет собою его судьбу в представлении читающей публики, в мнении критики. Связь так или иначе устанавливалась. Отсутствие отзыва о той или иной книге Гейне или запрещение не значат еще, что у нее совершенно не было читателей в России. Была и контрабандная литература, доступная, конечно, меньшему кругу читателей (но в этом кругу могли быть люди литературные). Кроме того, «запрещение для публики» тоже не исключало какого-то, хотя бы и довольно узкого, круга читателей (впрочем, будучи раз приобретена лицом, имеющим на то право, она от него могла попасть к читателю, такого права не имевшему: это уже не подвергалось контролю). Таким образом, запрещение хотя и затрудняло, но не вполне исключало доступ книги. Из запрещенных же или и вовсе не поступавших в цензуру книг переводились и печатались отрывки. Так, из «Путешествия по Гарцу», запрещенного в 1827 г., был напечатан небольшой отрывок в «Московском Вестнике» 1830 г. (ч. IV, № 14—16, стр. 121—151) — под названием «Отрывок из путешествия Гейна»; в 1832 г. в «Телескопе» (ч. X, стр. 86—96) был напечатан перевод главы «Лондон» из «Английских Фрагментов», подвергшихся запрещению через два года (во французском издании), а в то время еще не рассматривавшихся цензурой. Тогда же — в 1832 г. — Киреевский напечатал в первых двух номерах «Европейца» «Письмо о Парижской картинной выставке 1831 года», с соответствующими купюрами, разумеется (именно там находится место, где Гейне скорбит о том, что нельзя отрубить руку Николаю I). Цензурное запрещение этого «Письма» состоялось тоже позднее — в 1833 г., когда оно рассматривалось в составе книги «О Франции», и в 1834 г., когда оно опять попало на глаза цензуре в составе I тома «Салона». В «Телескопе» 1834 г. (ч. XIX) был помещен перевод отрывка «Гете и Шиллер» — из запрещенной уж в том же году книги «К истории религии и философии в Германии». Единственным условием для напечатания должно было быть отсутствие в таком отрывке незволительных с точки зрения внутренней цензуры мест. Но, конечно, это было очень немного; проза Гейне вообще не могла дать большого количества позво-

тельного материала для перевода; кроме того, эти немногочисленные отрывки, разбросанные по журналам начала 30-х гг., пожалуй, не могли существенно повлиять на представление о Гейне, начавшее складываться у читателя при переходе от 30-х гг. к 40-м на основании переводов его стихов.

Какими же сведениями о Гейне мог располагать русский читатель 30-х и 40-х гг. и из каких источников он черпал их (не считая стихотворных переводов, рисовавших еще привычный образ лирического поэта)? В журнальной критике приходится сталкиваться с суждениями о Гейне, далеко не одобрительными. Такого рода оценки встречаются исключительно в статьях, обнаруживающих действительное знакомство с западноевропейской литературой; иногда это—статьи переводные. И материал для отрицательных оценок Гейне в журнальных статьях 1830-х гг. дают в громадном большинстве случаев произведения, запрещенные цензурой (проза).

В переводной статье Э. Кине «Будущая участь словесности и изящных искусств в Германии» («Московский Телеграф», 1832, ч. 47, № 17, сентябрь, стр. 18) имеются такие строки о представителях Молодой Германии: «Порыв народности прощает Бёрне его злые выходки на чужеземцев; так и маленькому дарованию Менцеля льстят потому, что он нападает на Гете, и жиду Гейне прощают его насмешки над всем, о чем он только ни начинает говорить».

В «Телескопе» 1831 г. (ч. V, № 18, стр. 159) в переводной статье (Вольфганга Менцеля, врага Гейне) есть слова о «кощунском уничижении», составляющем особенность Гейне.

В «Московском Наблюдателе», 1836 г. (ч. IX, стр. 8), в статье—тоже переводной—говорится о «наглой манере» Гейне.

В «Библиотеке для Чтения» 1837 г. (т. XX, отд. II, стр. 128) цитируются слова Гете, содержащие осуждение Гейне: «Нет спору, что он одарен многими блестящими качествами, но в числе их недостает одного—любви. Он столько же недоволен читателем, как и своей братией поэтами и самим собою. Когда его читаешь, невольно приходят на память слова Апостола: Хоть бы я говорил языками людей и ангелов, когда во мне нет милосердия, я—только похож на медь звенящую и кимвал dobroгласный. Несколько дней тому назад я читал некоторые поэмы Гейне и удостоверился, что дарование у него необыкновенное, но, как я сказал, он совсем лишен любви, а без нее ничего нельзя сделать. Его будут бояться, и он, пожалуй, прослышет полубогом у тех, которые, не имея его дарования, захотят идти по тому же отрицательному пути, как он».

В XIII томе «Энциклопедического Лексикона» Плюшара, появившемся в 1838 г., была статья о Гейне, тоже резко отрицательная: «Гейне, Гейнрих, известный Германский стихотворец и после Бёрне известнейший из немецких политических писателей дерзостью своих мнений...» Так характеризует его анонимный автор этой статьи. Излагая его биографию, автор далее сообщает, что Гейне, «подвергшись заслуженным преследованиям за свои безнравственные мнения в религии и политике, избрал в 1830 г. постоянным местопребыванием своим Париж...» Далее идет библиография сочинений Гейне, а затем автор хоронит поэта—за 20 лет до настоящей его смерти: «В новейшем и не оконченном еще сочинении его «Der Salon» (I том, Гамбург, 1834) содержатся известные уже из Morgenblatt'a критика художественной выставки в Париже в 1831 г., стихотворения и другие безделки. Гейне умер в Париже в 1837 г. [Sic!]. Он одарен был блестящими дарованиями и примечательным остроумием, но сделался презрительным и ненавистным для благомыслящих людей всех наций своею наглостью в суждениях, своими разрушительными правилами, грубым неуважением к святине и смешной страстью прослыть германским Вольтером».

Наконец, в том же 1838 г. в статье Эдуарда Губера «Взгляд на нынешнюю литературу Германии» многое предвещает погромный отзыв Жуковского, появившийся лишь 10 лет спустя. Цель «Молодой Германии»,— по словам Губера,— «из-

менение общества в самых основных его стихиях; все сочинения ее устремлены к ниспровержению старого, освященного веками порядка. Нельзя сказать, чтобы между поборниками этой школы не было людей с дарованием: Гейне, Бёрне, Гудков могли бы и на лучшем поприще занять почетное место; тем более должны мы сожалеть, что все эти силы истрачиваются для достижения ложной цели... Вот Гейне, с его ужасной иронией, с его ядовитым юмором! Нет, это не та стыдливая муза Жан-Поля, которая с улыбкой на устах, с глазами, полными слез, напевала вам такие волшебные песни; это дикая баядерка, которая не стыдась своей соблазнительной наготы, заманит вас в роскошные объятия неги — и заразит ядовитым дыханием. Гейне не признает святыни; а между тем он облекает свои ужасные мысли в такую соблазнительную одежду, он говорит с таким простодушием, что вы забудетесь над сладким ядом его поэзии»⁴⁰.

К. Петерсон, автор статьи «Гейрих Гейне» («Современник», 1843, т. XXX), определяет характер большей части стихотворений Гейне, как «чувственность и сарказм». Лирику Гейне этот критик в общем еще одобрял, хоть и находил в ней ряд недостатков; проза же Гейне подверглась с его стороны усиленнейшим нападкам.

Содержание и категоричность этих оценок не должны удивлять, если принять во внимание, что они сделаны с точки зрения идеалистической эстетики. А с философией идеализма Гейне был во враждебных отношениях; вспомним его нападки на крупнейших представителей этой философии, находивших себе в России как раз в то время многочисленных адептов. Что касается системы Гегеля, то Гейне умел оценить ее диалектическую сущность, и ее революционизирующий смысл — независимо от той направленности, которая была ей дана самим Гегелем. И в этом отношении понимание Гегеля у Гейне — родственное тому, которое сформулировано Марксом и Энгельсом. Но такое понимание резко отклонялось от общепринятого в 30—40-х гг. отношения к Гегелю, распространенного и в России; оно было ересью и с точки зрения русских гегельянцев, и потому взгляд на Гейне русской эстетической критики не является неожиданностью.

Образ Гейне, который складывается на основании этих и им подобных отзывов, далеко не идиличен. Главной предпосылкой этих отзывов (без которой они не были бы даже возможны) является знакомство критиков с Гейне в оригинале и на его европейском фоне. Недаром многие из приведенных отзывов взяты из статей переводных. (Между прочим, лишь в связи с правильным пониманием подлинного западноевропейского фона, политического и литературного окружения Гейне могли иметь смысл суждения о его «вольтерянизме».)

Портрет поэта, нарисованный в этих отзывах, независимо от большей или меньшей яркости и резкости красок и выражений, оставался чужд читателю «русского Гейне» очень долгое время — в течение не только 30-х гг., к которым относится статья Губера, но и 40-х. Публика, читавшая Гейне в переводе, знакомилась с ним на таком материале, от которого складывалось совсем иное впечатление.

Н. И. Греч, путешествуя в 1842 г. по Германии, посетил в Гамбурге «почтенного Гейне», дядю поэта — банкира Соломона Гейне, «человека умного, оригинального и достойного уважения во многих отношениях»⁴¹.

Об отношениях Соломона Гейне и поэта Гейне Греч повествует в тонах традиционного семейного водевиля на тему о благоразумном и богатом дядюшке и ветреном расточительном племяннике.

«Гейне [речь идет о Соломоне. — А. Ф.] вообще не щедр к близким своим родственникам, требуя, чтоб они находили собственными своими трудами средства к существованию. Он очень гневен на племянника своего, Генриха, который в поэтическом бреду вздумал распорядиться его кассой как своею собственной и беспрестанно просил денег у богатого дядюшки. Старик наконец вышел из терпения и объявил, что не даст ни гроша тунеядцу, который не хочет заняться никаким порядочным делом, не хочет честным образом снискивать пропитание и только пишет вздорные стихи и печатает пустые книги. «Да знаете ли, дядюшка»,

не — находчивый шутник и забавник. В отношении «германского Вольтера» Греч, во всяком случае, на уровне читателя с весьма средней подготовкой. И даже близость к Булгарину и III Отделению в данном случае не способствовали его литературной и политической проницательности.

Цензура, в лице Г. Нагеля, писавшего рапорт по поводу книги о Бёрне, была ближе к действительности.

В течение 1840-х гг. в журналах благополучно печатаются переводы стихов из «Книги Песен» и «Лирического Интермеццо»; в цензуру после книги о Бёрне новых произведений Гейне не поступает. Политическая лирика Гейне и его прозаические произведения этого времени, конечно, в русском переводе были бы немислимы. Таким образом, русские поэты, переводившие Гейне, знакомили русского читателя с вещами, имевшими уже 15—20-летнюю давность. Несмотря на то, что интерпретация не усиливала, а скорее ослабляла новизну и характерность Гейне, он все же возбуждал интерес.

В литературе нелегальной, «потаенной» Гейне появляется лишь позднее, и число его стихотворений, напечатанных нелегально, отнюдь не велико (см. сборник «Русская потаенная поэзия» и «Лютня»). Заграничное (лейпцигское) издание поэмы «Deutschland» в переводе Заезжего, «просмотренном И. С. Тургеневым и исправленном по его замечаниям», относится уже к 1875 г. Таким образом нелегальный материал не мог оказать значительного влияния на читательские представления о Гейне.

Между тем политическая атмосфера на Западе сгущается. Приближается 1848 г. В России усиливается реакция, достигшая крайних пределов после взрыва европейских революций. Реакция этих лет сказалась на цензуре и в частности на отношении к Гейне. Отзывы о последних его произведениях, относящиеся к периоду с 1848 по 1855 гг., словно предваряются словами поэта Жуковского, сказанными им в письме к Гоголю (под заглавием «Слова поэта — дела поэта») от 29 января 1848 г. (т. е. незадолго до революционных событий этого года). Имя немецкого поэта здесь опущено, но что речь идет о нем не подвержено ни малейшему сомнению.

«Но что сказать о... (я не назову его, но тем для него хуже, если он будет тобою угадан в моем изображении), что сказать об этом хулителе всякой святыни, который откровение так напрасно было ему ниспослано в его поэтическое дарование и в том чародейном могуществе слова, которого может быть ни один из писателей Германии не имел в такой силе!..... это свободный собиратель и провозгласитель всего низкого, отвратительного и развратного, это полное отсутствие чистоты, нахальное ругательство над поэтической красотой и даже над собственным дарованием ее угадывать и выражать словом, это презрение всякой святыни и циничское, бесстыдно-дерзкое противу нее богохульство, дабы, оскорбив всех, кому она драгоценна, угодить всем поклонникам разврата, это вызов на буйство, на неверие, на угождение чувственности, на разнуздание всех страстей, на отрицание всякой власти — это не падший ангел света, но темный демон, насмешливо являющийся в образе светлом, чтобы прелестью красоты заманить нас в свою грязную бездну...»

Оценка Жуковского — неодинокa; она лишь категоричнее и патетичнее: цензоры подходили к своему материалу более деловым образом. Слова Жуковского могли бы служить эпиграфом к рапортам о Гейне за годы бутурлинского комитета (1848—1855). Из шести книг Гейне, запрещенных за это время, три были запрещены безусловно.

Все приводившиеся до сих пор запретительные отзывы цензуры относятся к Гейне-прозаику (если не считать рапорта 1827 г. о стихах, входивших в I том «Путевых Картин»). Стихи, входившие в I том «Салона», особого внимания не возбуждали: представляя о запрещении книги, цензор ссылался не на них.

Оценки Гейне-стихотворца шли по двум линиям: если дело касалось любов-

ной — «чистой» — лирики, лирики романтического типа, то цензурное разрешение давалось легко. Таков в 1843 г. отзыв Л. Роде об «Интермедцо». Конечно, и в ранних лирических сборниках Гейне уже были элементы «разрушительного» мировоззрения, но они еще не давали основания ссылаться на «явный смысл речи». Самый же «дух рассматриваемой книги», вне общей перспективы творчества Гейне, мог быть и неясен и обманчив. Этим, между прочим, обуславливается полное благополучие раннего отзыва о «Книге Песен», 1827 г. (уже в 1832 г. та же «Книга Песен», в том же издании, несколько смутила цензора Граве, знавшего и другие произведения Гейне; в 1851 г. ей пришлось подвергнуться запрещению). Что же касается лирики политической, стихов, затрагивавших злободневные темы или темы социально-философского порядка, то они систематически оказывались под запретом. Но цензура не сталкивалась с ними до 1848 г., когда на отзыв поступила и подверглась запрещению поэма «Атта Троль» (Atta Troll. Ein Sommernachstraum. 1847). Запрещение состоялось 23 марта, но рапорт датирован еще декабрем 1847 г. и принадлежит виленскому цензору Ивану Вашкевичу, который полагал, что это произведение может быть позволено по исключении нескольких мест. Комитет Цензуры Иностранной на заседании 27 января 1848 г. поддержал мнение виленской цензуры, и лишь главное Управление Цензуры 23 марта предпочло целиком запретить книгу для публики. Промежуток времени между январем и мартом сделал свое дело: революционные события на западе настроили цензуру на более строгий лад. Между тем «Атта Троль», среди других сатир Гейне, как по своей направленности, по своим объектам, так и по применяемым в ней средствам, является еще сравнительно умеренным произведением. Высмеиваются в ней тенденциозные политические поэты либеральной буржуазии, внешняя революционность которых скрывала политическое филистерство. По существу эта поэма продолжала дело книги о Бёрне (разоблачение политических позиций идеологов радикальной немецкой мелкой буржуазии, вскрытие их реакционности); но внешне поэма «Атта Троль» в еще большей мере, чем книга о Бёрне, создавала иллюзию поворота вправо (насмешки над показным демократизмом, эстетизм Гейне и т. п.). И провинциальный цензор Вашкевич, с наивной подробностью изложив содержание поэмы, нашел подозрительными лишь отдельные стихи, представлявшие насмешку над «медвежьим либерализмом» героя поэмы или вольное обращение с «предметами важными и священными» (хотя у Гейне было много вещей посильнее, и даже в пределах «Атта Троля» можно было найти нечто более характерное³⁴).

Отзыв цензора Вашкевича — таков:

«В этом сочинении автор под именем Atta Troll представляет медведя и его самку, которые, для народного увеселения свойственной ученым медведям пляской и другими шутками водимы были по целой Франции. Нечаянно медведь, ушедши от своего господина и оставив самку в неволе, забрел на Пиринейские горы, где нашел свою родню и знакомых, которым, рассказывая много любопытных, случившихся с ним приключений, сообщает вместе известия о Франции. Гейне, автор сего сочинения, переносится во сне тоже на Пиринейские горы, встречается там с своим любимым медведем и рассуждает там же о деяниях рода человеческого, рассматривает различные сословия людей, царствование достопамятных государей, как-то: Карла В[еликого], Клодвига и пр. После поет, странствуя в товариществе медведя, приходит к одной волшебнице, которая силою своего чародейства указывает ему тени умерших людей и много других чудес. Оттуда с сыном волшебницы и медведем отправляется в лес на охоту, на которой медведь погиб нечестною смертью. По смерти товарища, поэт возвращается во Францию, находит еще в живых самку любимого медведя, которая называлась Мумма, рассказывает ей все приключения, утешает ее и старается рассеять тоску ее рассказом о белых (полярных) медведях, о лютости и дикости которых обширно излагает.

По моему мнению, это сочинение, как не заключающее в себе ничего про-

тивного Уставу о Цензуре, может быть позволено с исключением однакож ниже показанных мест.

Стр. 29. «Если бы все медведи и вообще все звери думали подобно мне, то бы мы соединенными силами преодолели тиранов».

Стр. 30. «Единство; единство есть самое важное для времени, мы страдаем потому, что не действуем заодно, но соединенными силами мы обманем своих деспотов».

Единство! и мы победители, мы овергнем презрительное царство монополии, и тогда учредим настоящее царство животных»⁴⁵.

Стр. 110. «Люби меня, и будь моею любовницею (Геродияда), брось эту кровавую глупую голову (Иоанна Крестителя)».

Стр. 113. «Зонтик! Я теперь за один зонтик даю тридцать шесть королей! кричал я...»

Вильно 15 Декабря 1847 года»⁴⁶.

IX

В 1851 г. было запрещено 8-е издание «Книги Песен» (Buch der Lieder Achte Auflage. Hamburg. Hoffmann und Campe. 1851. или: Gedichte von H. Heine. Erster Band), первое издание которой было разрешено за 24 года до этого:

«Это собрание лирических стихотворений Гейне содержит большую частью мелкие песни в честь любви, весны, моря и т. п. нисколько не предосудительные. Между ними встречаем однако несколько стихотворений, которые в целом или отдельными стихами противоречат ценсурным правилам...»

Стр. 18 по 22. Свадебный пир в аду. Вся песня оскорбляет чувство благоговения к брачному обряду.

Стр. 130. Насмешка на бессмертие.

Стр. 203. Ироническое описание Сатаны.

Стр. 208 Род элгии, в которой главная мысль: «На небеси скончался бог, в преисподней умер Сатана».

Стр. 214. (Песня № XLV). Индийский миф обращен в насмешку на королей.

Стр. 218. Насмешка на поклонение святым.

Стр. 230 по 232. Поэт во сне считает себя богом. В этих стихах, кроме предосудительной темы, много колких выходов.

Стр. 239. Вызов на сладострастие...

В романсе: Горная идиллия —

на стр. 284 по 286 дерзкое искажение символа веры.

Стр. 292 и 293. Ирония на монархическое правление под видом басни.

В песне: Божества Греции —

на стр. 351. Укоры церкви и самой христианской вере...

Стр. 359 и 360. Кошунство двух пьяниц...

По большому числу предосудительных мест, подрывающих благочестие и чувство повиновения, следует подвергнуть это издание запрещению для публики, на основании § 3, пунк[ты] 1 и 2 Устава о Цензуре».

Этот отзыв принадлежит рижскому цензору К. Кестнеру. Рижский Ценсурный Комитет определил: «к виновным в распространении этой книги следует применить 1314 статью Уложения о Наказаниях Уголовных и Исправительных»⁴⁷.

Если сравнить этот документ с рапортом цензора Граве (1832), то в глаза бросятся обилие цитат: отмечены все места, указанные и у Граве, и прибавлено еще втрое больше (все эти места имелись уже и в первом издании). Может быть, и не следует вкладывать в каждый данный отзыв слишком глубокий исторический смысл и истолковывать его в универсальном масштабе, но все же дело здесь не может быть сведено к простому недомыслию, запуганности, абсурдной подозрительности и т. д. Характерно, что цензор тщательно регистрирует все те моменты, где хотя бы в слабой степени сказывается ирония Гейне по отношению к фео-

дально-романтическим темам и образам (например грубо гротескная трактовка ада, стихотворение о царе Виссамитре), где они снижаются, где, наконец, проявляется протест Гейне против христианства (как в «Богам Греции»). Типичен и пуританизм цензора: невинное любовное стихотворение оценивается или как «вызов на сладострастие» или «как насмешка над поклонением святыне». Цензор даже вступает за престиж сатаны, инкриминируя Гейне «ироническое описание» его (стих. «Ich rief den Teufel, und er kam»). Данный отзыв, таким образом, типичен, как документ, свидетельствующий о борьбе двух идеологических систем, двух разных жизненных принципов. Правда, тон некоторых формулировок цензора производит очень комическое впечатление, если сравнить их с теми стихотворениями, к которым они относятся. Так, например, «Насмешка над поклонением святым» (стр. 218) — это начало стихотворения:

Andre beten zur Madonne,
Andre auch zu Paul und Peter,
Ich jedoch, ich will nur beten
Nur zu dir, du schöne Sonne ⁴⁹.

«Вызов на сладострастие» (стр. 239) — это заключительные 2 стиха в стихотворении «An deine schneeweisse Schulter». «Ирония на монархическое правление под видом басни» — это сказано об идиллическом стихотворении «Der Hirtenknabe» (Мальчик-пастух) из «Harzreise».

X

Если запрещению подверглась уже и «Книга Песен», наиболее благополучный из лирических сборников Гейне, то еще более строгие меры были приняты по отношению к другим собраниям его стихов. «Книга Песен» подверглась примерно таким же обвинениям, какие предъявлялись и прозе. Но когда в 1851 г. вышел «Романцero, а в 1852 г. появилось 3-е издание «Новых Стихотворений» (непоступавших раньше на отзыв), Гейне-поэт оказался не менее, если не более страшен, чем Гейне-прозаик. Обе книги были запрещены безусловно.

Вот самые отзывы.

«Romanzero von Heinrich Heine. Hamburg. Hoffman und Campe. 1851».

«Это — заглавие книги, в которой Генрих Гейне соединил стихотворения, внушенные ему его музой в последние годы. Направление, господствующее в них, предосудительно в высшей степени, ибо поэт не щадит ничего, что есть самого святого для человека, лишь бы он мог блеснуть своим сатирическим остроумием, и крайне прискорбно видеть человека, который, будучи столь сильно поражен болезнью, что он уже в течение многих годов не может покинуть постель, высказывает суждения безбожные и способные не только оскорбить верующего, но даже внушить отвращение тем, которые вообще не очень заботятся о религии, при всем том горестное чувство, вызываемое действительно печальным состоянием, в котором он находится, проглядывает местами и еще усугубляет неприятное впечатление, которое это чтение производит на читателей — тем более, что он, бывший атеистом, вернулся теперь к богу и даже уничтожил все свои стихотворения, в которых были вещи, оскорбительные для создателя, тем не менее прибавляя на стр. 308: «Что до теологии, то я должен сознаться в регрессе, ибо возвратился, как я сказал уже выше, к древнему суеверию, к вере в единого бога. Это невозможно скрыть, как пытались это сделать некоторые просвещенные друзья мои. Но я должен опровергнуть слух, будто мои шаги назад привели меня к порогу церкви или даже в самую церковь...»

Чтобы подтвердить то, что мы сообщили об опасном духе этой книги, мы обращаем внимание на следующие стихотворения: «Карл I» (стр. 28—29), «Мария Аягуанетта» (30—33), «Два рыцаря» (50—53), «Золотой телец» (54), «Царь Давид» (55—56), «Небесные невесты» (59—61), «Амерджа» (84—88), «Диспут» (261—283).

«Впрочем, эта книга запрещена даже во многих государствах Германии, например в Пруссии, и, считая невозможным поступить менее строго, мы предлагаем подвергнуть ее у нас безусловному запрещению на основании § 3 Устава о Цензуре (Уложение о наказаниях, §§ 187 и 274)»⁴⁰.

К концу 1852 г. (к 16 декабря) относится другой, не менее строгий отзыв, принадлежащий цензору Н. Берте — о «Новых стихотворениях» (*Neue Gedichte. Dritte veränderte Auflage. Hamburg. 1852*).

«В этом сборнике новых стихотворений Гейне встречается много крайне предосудительных стихов, в которых высказывается самое дерзкое богохульство или революционные мысли. Эти стихотворения, требующие безусловного запрещения этой книжки, на основании § 3 Устава о Цензуре (ст. 187 и 273 Улож. о Нак.), находятся на стр. 62, 123—129, 141, 142, 207, 208, 219, 224—226, 230, 231, 251, 260.

Например, стр. 129.

Warum ich eigentlich erschuf...

[Последнее стихотворение из цикла «Песен бытия» — «Schöpfungslieder», — написанных от лица бога. — А. Ф.].

Стр. 224 ст. «Adam der Erste» [«Адам Первый»].

Стр. 260. «Erleuchtung» [«Просветление»]...».

Таков рапорт Б. Берте, одного из наиболее непримиримых цензоров (Рапорты К. Ц. И. 1852, дело № 2174. Запр. безусл.).

Ссылки на страницы относятся к следующим стихотворениям: «Серафима», 7 («Auf diesen Felsen bauen wir» — стр. 62; «Катерина», 7 («Jüngstens träumte mir: spazieren») — стр. 141—142; все «Песни бытия» (одну из которых цензор привел в отзыве) — стр. 123—129; «Symbolik des Unsinn» (Символика бессмыслицы) — стр. 207—208; «Ангелы» — стр. 219; «Warnung» (Предостережение) — стр. 226; «Bei des Nachtwächters Ankunft in Paris» (На прибытие ночного стража в Париж) — стр. 230—231; «Der Kaiser von China» (Китайский император) — стр. 251 (строфы V—IX). Последние две вещи относятся к числу гейневских сатир, направленных против политического и культурного строя Германии, в частности против Пруссии; остальное принадлежит к числу его антирелигиозных или противохристианских стихов.

XI

На фоне строгих цензурных отзывов о Гейне за первую половину 50-х гг. выделяется своей мягкостью и уклончивостью рапорт цензора-литератора, поэта А. Н. Майкова, о книге «Les Dieux en Exil, par Henri Heine» (Брюссельская контрафакция французского перевода «Богов в изгнании»). Однако и Майков делает вывод о необходимости запретить эту книгу, — правда не безусловно, а только для публики. Но характеристика, которую дает ей Майков, уже содержит те черты, которыми он же воспользовался в своих позднейших цензурских отзывах о Гейне, имевших задачей — добиться пропуска книг Гейне. В этой характеристике главную роль играет указание на двойственность, противоречивость Гейне. Впоследствии Майков настаивал именно на этой особенности Гейне, как на обстоятельстве, смягчающем, обезвреживающем резкость тех или иных мест. В 1853 г., однако, Майков оценивал это свойство как раз наоборот, и главную основу вредности книги он усматривал в двойственности, ироническом отношении к теме (борьба язычества и христианства). Но как бы то ни было, для цензора-литератора, рассматривающего книгу с более специальной, — профессионально словесной, — точки зрения, типично, что он выделяет в Гейне именно эту особенность. Подобно этому в свое время другой цензор-литератор В. Ф. Одоевский в сравнительно мягком отзыве (о «Лутевых Картинах») пытался «сгладить» формулировку грехов Гейне, давая меткое определение основ его иронии, как противоречия, как столкновения противоположных начал, как разнообразия и неожиданности объектов шутки («соединение высоких предметов с низкими...» «Гейне шутит надо всем в мире»)

Отзыв Майкова о «Богам в изгнании» построен так:

«В этой книге Генрих Гейне предпринял собрать разные мифы новейших европейских народов, где играют роль греческие мифологические боги. По содержанию своему она не представляет ничего противного Уставу о Цензуре; невозможно даже выбрать места особенно предосудительные; но тем не менее книга эта, по моему мнению, не может быть позволена по причине весьма тонкой иронии, разлитой на всех почти страницах этого сочинения. Ирония эта преимущественно распространяется на христианство, хотя автор прикидывается везде ревностным христианином. Для того чтобы дать легкое понятие о том, какого рода эта ирония, укажу на одно лицо, выведенное автором, именно на одного ученого, который написал несколько сочинений, но не издал ни одного в свет, потому что, доказывая какое-нибудь положение и придумывая, что могут на него возразить, он всегда кончал тем, что оставлял прежнее положение и переходил к противоположному мнению. Так он написал огромную книгу о религии христианства и решился бросить ее в югось, ибо убедился совершенно в противоположном, дойдя до заключения, что христианство произвело на свет более зла, нежели добра. Хотя автор, повидимому, с негодованием восстает против новых убеждений этого ученого, но приводит только такие факты, которые еще более вызывают опровержений. Посему я считал бы за лучшее представить Комитету о запрещении для публики на осн. § 2 Устава о Цензуре⁵⁰».

XII

Отзыв о последней немецкой книге Гейне, изданной при его жизни — о «Смешанных сочинениях» (*Vermischte Schriften*. Hamburg. 1854. 3 тома) дает одинаково суровую оценку и Гейне-прозаику и Гейне-поэту. Второй и третий тома были заняты «Лютецией», а в первый том на ряду с «Признаниями», «Бо-

КАРИКАТУРА НА РУССКИХ
ПЕРЕВОДЧИКОВ ГЕЙНЕ

«Искра» 1866 г., № 27

ГЕЙНЕ. ВЪ ПЕРЕВОДЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

гинеи Дианой» и «Богами в изгнании» входит цикл стихотворений. Здесь были и антирелигиозные, и обличительно революционные, и злободневно-политические вещи. Рапорт о книге (цензора Берте) не датирован, запрещение помечено 31 мая 1855 г., т. е. относится уже ко времени после смерти Николая I (самый рапорт, очевидно, тоже: между представлением отзыва и окончательной резолюцией Главного Управления Цензуры редко проходило больше трех месяцев), но еще действовала инерция всей прежней деятельности цензуры, и этот отзыв о Гейне по своему духу еще всецело относится к николаевской эпохе. Вместе с тем он является и последним в этом роде. Берте писал:

«Из этих трех томов сборника разных сочинений известного писателя Гейне первый том содержит в себе заметки о разных предметах общественной жизни с сатирическими замечаниями, касающимися особенно философии и религии, и кроме того собрание новейших стихотворений Гейне; второй же и третий томы [т. е. и «Лютенция».—А. Ф.] заключают в себе критическое обозрение политики, искусства и народной жизни во Франции. Все сочинения Гейне, касающиеся религии, как известно, проникнуты богохульством и подвергнуты строгому и безусловному запрещению. То же направление заметно и в этом сочинении. Особенно в первом томе автор часто находит случай высказать в едкой сатире и неприличных шутках свое неуважение к религии и безбожие. Во втором и третьем томах, в статье о восточном вопросе, встречается множество предосудительных замечаний о своекорыстных замыслах России в отношении Турции».

Далее идут цитаты (том I, стр. 75—76, 83, 148—149, стих. «Lass die heil'gen Papabolen», том II, стр. 90) и следует заключение: «Сочинение это, по моему мнению, должно быть запрещено по п. 3 Ц. У., именно I том безусловно, а II и III—для публики» (1855, дело № 586).

Таков путь, пройденный в русской цензуре 1830—1850 гг. произведениями Гейне—от «Книги Песен» и «Лирического Интермецо» до «Лютеции».

XIII

К концу 50-х, началу 60-х гг. картина несколько меняется. Многое, что до этого времени было (или было бы) запрещено, перестало быть запретным. Цензуре пришлось примириться и с Гейне (начало 1860-х гг.). Конечно, примирение это было вынуждено обстоятельствами политической и общественной жизни; оно не было равносильно притию. Его пришлось обставить рядом мер предосторожности, и опасения цензоров рассеялись не сразу.

Картину дальнейшей цензурной судьбы Гейне в России существенно дополняют некоторые данные о судьбе его в русской критике 50—60-х гг.

В первой половине 50-х гг. и начале 60-х интерес к Гейне в русской литературе значительно ослабевает. По крайней мере в журналах переводы из Гейне и подражания ему встречаются уже неизмеримо реже, чем в 40-х гг. Конечно Гейне — сатирик и политик — в годы бутурлинского комитета был бы немислим на страницах журналов: недаром цензура запретила «Атту Тролля», «Новые стихотворения» и даже новое издание «Книги Песен». Но ведь те стихи, которые благополучно печатались в 40-е гг., были бы абсолютно цензурны и с точки зрения 50-х: это была ранняя лирика Гейне, отбор же, который производили поэты-переводчики, еще усиливал сентиментально-лирические и любовно-романтические черты — в ущерб элементам иронии и сарказма, уже заложенным там. Однако именно «позволительная» сторона в творчестве Гейне (а только с нею и можно было знакомить читателя) в это время теряет и литературный интерес⁸¹.

В рецензии «Москвитянина»⁸² на один из номеров «Современника», где были напечатаны пародии Нового Поэта, говорится об этих пародиях так: «Они имели свою относительную пользу, обращенные на водяных подражателей Гейне, которых было развелось у нас очень много, но в настоящую минуту, когда сти-

хотворений à la Гейне никто уже более не читает, едва ли кто пробежит их без скуки». В рецензии «Современника»⁵⁸ на «Стихотворения» Ф. Б. Миллера сказано: «Многие стихотворения Гейне... поражавшие нас своею оригинально-стью лет десять тому назад, теперь поражают нас своею пустотой».

Еще один мелкий факт. В «Библиотеке для Чтения» (1851, № 1) Григ. Данилевский среди оригинальных своих стихотворений поместил ряд спихотворений из Гейне, не пометив их, однако, переводными⁵⁴. Критик «Москвитянина»⁵⁵ в очень резком отзыве о Данилевском рассуждает об этих стихотворениях, как об оригинальных. По поводу стих. «Смерть» (представляющим перевод стих. «Der Tod das ist die kühle Nacht») он замечает: «Нечего и говорить об отсутствии всякого содержания в этом стихотворении; заметим только, что в первом стихе не соблюдено даже надлежащего размера». Важно, что упрек касается не столько формы, которая может зависеть от переводчика, сколько содержания, которое должно быть отнесено скорее на счет Гейне.

Лишь смерть Гейне (17 февраля 1856 г.), совпавшая с первой годовщиной смерти Николая I, вызвала вновь усиленный интерес к творчеству поэта и обильную переводную продукцию. Однако этот подъем интереса и внимания к Гейне сказался не сразу. В некоторых статьях, последовавших сразу после его смерти, о произведениях Гейне говорится, как об устарелых, притом заслуженно устарелых. В «Живописной Русской Библиотеке» читаем, например, следующее:

«...Во многих европейских журналах напечатаны разные подробности об этом необыкновенном человеке, и множество замечаний о его сочинениях, бывших в свое время любимым чтением публики, но теперь утративших несколько своей современности, ибо Гейне прежде всего хотел действовать на современников своих»⁵⁶.

Тон статей, в ближайшие годы после смерти Гейне еще не был обязательно сочувственным. Отношение к нему в это время вообще еще не установилось, и в суждениях о нем — ряд колебаний.

В корреспонденции из Парижа, напечатанной в № 49 «С. Петербургских Ведомостей» 1856 г. после смерти Гейне, поэту ставится в упрек отсутствие нравственного начала и делается попытка ограничить то значение, какое может быть ему приписано. Корреспонденция эта («Парижские Новости») подписана: К. Ш т а х е л ь (псевдоним русского политического эмигранта С а з о н о в а⁵⁷). А это была оценка слева. И вот предпринимаются попытки — уже справа — представить Гейне политически благополучной фигурой, даже добрым христианином. Примером может послужить та же, названная только что, статья из «Живописной Русской Библиотеки» за 1857 г. Там упоминается об отрывке из завещания, «достойного внимания христианским чувством, которое, как видно, одушевляло поэта в последние годы его жизни». И там же — оправдание Гейне от подозрений в неблагонадежности:

«Вообще, кажется, несправедливо почитали Гейне каким-то буйным и злым писателем. Он был добр и неосторожен: готев пожертвовать жизнью за благо отечества, но при этом язвителен и нескромен в обличении глупцов и мнимых умников»⁵⁸.

Еще более яркая попытка приспособить образ Гейне к требованиям христианской морали — в «Семейном Круге» (уже в 1860 г.) в статье Ф. А. Федорова. «Генрих Гейне». Литературная номенклатура здесь старомодна: автор вспоминает о вольтерянстве, дух которого «как известно, сначала обуял всю южную Европу, потом воплотился в Байроновском Дон-Жуане, наконец уединился на главе Гейнриха Гейне». Но затем принимаются все меры к тому, чтобы обелить «вольтерьяца» Гейне:

«Случалось, что Гейне иногда позволял себе говорить о религии не совсем уважительно, но он никогда не забывал, что спаситель есть источник истинной философии; без уроков этого божественного учителя Гейне не написал бы своего Tambour le Grand. Это братство людей, этот взор веселый и дружелюбный, кидает-

мый Генрихом на все человечество, есть чистый христианизм. Почему вперед он очи, исполненные любви, на всю Европу? Почему считал он братьями всех ее обитателей? Почему предпочтительно извинял толпу, выхвалял ее, воссылая мольбы о ее благе, громко изъявлял радость свою, когда она торжествовала? — Боже мой, потому что он был христианином!» И дальше — там же: «...поэт в глубине души был истинным христианином»⁶⁰.

Не только идеологический и политический облик поэта еще не успел окончательно сложиться в России (иначе не было бы возможно такое его видоизменение в духе христианских добродетелей), но и литературное представление о нем сохраняло в себе еще много старых черт, унаследованных от 40-х гг.

Напечатанная в «Русском Вестнике» 1856 г., во II томе, кн. 2-й (в Отделе «Современной Летописи») статья М. Михайлова «Генрих Гейне» явилась в России первым после смерти поэта образом его литературной деятельности, и образ этот свелся, в сущности, лишь к описанию лирических мотивов и образов Гейне.

Между тем, в журнальной критике началась своеобразная борьба за Гейне, борьба между двумя взглядами на писателя: спорили о том, что в творчестве Гейне считать важным и характерным, как понимать его и как интерпретировать в переводах. Применительно к поэзии Гейне это был спор о взаимоотношении двух сторон его поэтической системы, как она представлялась спорящим: любовно лирического, романтического стиля, с одной стороны, и авторской иронии по отношению к нему, с другой, или, как оценивали этот дуализм творчества Гейне другие критики — «чистой» поэзии, «чистой» лирики, с одной стороны, и с другой, общественных, сатирических моментов. В отношении прозы Гейне, спор осложнялся тем, что ирония не отождествлялась с общественной ценностью его произведений, а иногда противопоставлялась ей, как враждебная ей особенность; сама же ирония относилась на счет самостоятельной эстетической «игры». И разные направления русской литературы хотели сделать Гейне своим: двойственность и противоречивость писателя широко использовались в этих спорах. У поэтов типа Майкова, с одной стороны, и у литераторов-разночинцев, у прогрессивных критиков, с другой, были разные Гейне. Как раз ко времени этих споров относится история разрешения Гейне иностранной цензурой (1862—1863). Цензурное дело (представленное пятью донесениями) касается первого «Полного собрания сочинений» Гейне (Heine's sämtliche Werke), изданного в Гамбурге в промежутке между 1861 и 1863 гг. у Гофмана под редакцией Адольфа Штротмана⁶⁰.

За исключением одного, все рапорты о «Полном собрании сочинений» Гейне принадлежат А. Н. Майкову, отстаивавшему в них свой взгляд на писателя и пытавшемуся не только добиться разрешения и оправдать его, но и сделать его «своим», приспособить его к нормам собственной литературно-классовой позиции.

О I и III томах «Полного собрания сочинений» Гейне, изданного Гофманом и Кампе (Гамбург, 1861), А. Н. Майков писал:

«Полное собрание сочинений Гейне будет состоять из осьмнадцати томов. Из его произведений весьма немногие были рассмотрены цензурою — только Reisebilder и Englische Fragmente и запрещены для п[ублики]. Прочее и не рассматривалось»⁶¹.

Предполагаемое издание из 18 томов объемлет собою деятельность Гейне с 1824—1856-й гг., и Гейне является теперь в ряду немецких классиков, следовательно уже как выбывший из группы современных деятелей и принадлежащий к истории своего времени. После этого fact accompli⁶², мне кажется, цензура может изменить свой взгляд на этого писателя. Гейне становится явлением, характеризующим свою эпоху; он разделяет ее страдания, ее стремления, участвуя в том, что она разрушала и что создала. Того электрического действия на мысль многие его крайние увлечения и горячие страницы произвести уже не могут, ибо теперь

в жизни общества другие задачи, вопросы и стремления: эпоха созерцательная прошла, наступила эпоха действий — вопрос о германских неокатоликах сменился вопросом о светском значении папы, который разрешается не книгами, а дипломатией и правительственными актами.

Кроме того, общее впечатление от сочинений Гейне умеряется еще двумя обстоятельствами: 1) политические и философские его идеи отодвигаются везде на задний план, и перед читателем выступает художник, для которого весь мир без различия и вся его история — не более как краски, образы; более поэт, чем мыслитель, он беспрестанно впадает в противоречия. 2) Издатель предпослал всему изданию предисловие самого Гейне, написанное им для французского перевода *Reisebilder*, которое значительно должно отрезать его слепых поклонников, каких уже теперь нет, а с другой стороны, заставить цензуру смотреть на него гораздо снисходительнее. «Эта книга, говорит он, написана до июльской революции»⁶³. В то время политический гнет Германии произвел всеобщее молчание; кто тогда решался открыть рот, не мог говорить иначе как с величайшей страстностью, и тем сильнее, чем более отчаявался в победе свободы и чем яростнее кидались на него *Pfaffentum*⁶⁴ и аристократия... Я их называю *Pfaffentum* и *Aristocratie* по привычке... Но с тех пор мои любезные немцы [два слова неразборчиво], что совсем потеряли из виду, и считают меня в числе отсталых. Они обвиняют меня в умеренности, в стачке с аристократами, и я предвижу, что скоро будут упрекать меня в стачке с *Pfaffentum*. Дело в том, что теперь под словом аристократия разумеют не только родовое дворянство, но и тех — называйте их как хотите — которые живут на счет народа... Наш старый клич против духовенства заменен тоже. Дело идет не о том уже, чтобы разрушить насильственно старую церковь, но еще более, построить новую, и не только не истребить *Priesterstand*⁶⁵, но самим сделаться жрецами.

На основании всего сказанного и принимая в соображение еще и то, что 18 томов собрания стоят довольно дорого, между тем составляют необходимое приобретение для всякой порядочной библиотеки, я полагаю дозволить его вполне, — представляя впрочем на обсуждение Комитета некоторые места. Таковых немного в I-м и III-м томе рассмотренных мною.

Т. I. Стр. 37. Полагаю позволить

— — 163 и 164.

— — 245 и 246 (полагаю позволить — резкость этого *Trommeln*⁶⁶ вся сглаживается впечатлением целого, где между прочим говорится и об укрощении анархии Наполеоном).

— — 269 — может быть дозволено общим только приговором гг. цензоров.

Т. III. Стр. 5—6 полагаю позволить

— — 68—70. То же: рассказ сумасшедшего.

— — 150—156 иск[лючить].

— — 159 дозв[олить].

Конечно в переводе на русский язык эти места не могут быть допущены, да и вообще внутренняя цензура должна руководствоваться иными соображениями, так как имеет перед собою совершенно иной «круг читателей»⁶⁷.

Комитет согласился с мнением Майкова и положил исключить только стр. 163 в I томе и стр. 150—156 в III⁶⁸.

Содержание I тома составляют первые части «Путевых Картин» — «Путешествие на Гарц», «Нордерней» и «Иден», а III тома — «Английские Фрагменты» и «Девушки и женщины Шекспира». Места, подлежавшие исключению — это были: в I томе (в «*Harzreise*», стр. 163) — насмешливые замечания о медиатизированных немецких князьях и о перспективах полного избавления от них, а в III томе (стр. 150—156) — самый конец «Английских Фрагментов», где Гейне, между прочим, говорит, что «свобода есть новая религия, религия нашего времени», восторженно отзывается о французской революции и революционной Франции, оправдывает

казнь Людовика XVI и Карла I, задевает духовенство и сравнивает евангельскую нагорную проповедь с той «нагорной проповедью», которая раздавалась «с высоты Конвента в Париже».

За время, прошедшее после смерти Николая I, цензура пережила известную эволюцию, которая ясно обнаруживается, если сравнить другие места, отмеченные Майковым для полноты отзыва и не подвергшиеся исключению, с аналогичными же местами, приводившимися в более давних делах о Гейне (30—50-е гг.) и служившими основанием для запрета целой книги. Место, отмечаемое Майковым в I томе («Hartzeise»), стр. 37: «...небосвод... был так прозрачен, что сквозь него взор проникал в самую глубь, в святая святых, где ангелы сидят у ног господ бога и в чертах его лица изучают генерал-бас» (даже в последнем дореволюционном издании «Полного собрания сочинений Гейне» под ред. П. И. Вейнберга последние слова этой цитаты отсутствуют). На стр. 245—246 того же тома («Идеи. Книга Ле-Гран») речь идет о марше, который выбивал на барабанах тамбур-мажор и который символизировал кровавые события французской революции, снова получающей здесь апологетическую оценку Гейне; здесь же Гейне говорит о «целом зверинце графов, принцев, принцесс, камергеров, гофмаршалов, обер-гофмейстерин» (в русских дореволюционных изданиях это место опускалось — до издания 1904 г. включительно). В III томе на стр. 5—6 (начало «Английских Фрагментов») встречаются такие фразы в приветствии, с которым автор обращается к Англии: «Приветствую тебя, Свобода, юное солнце обновленного мира! Те старые солнца, любовь и вера поблекли и охладели и не могут больше светить и греть...» «Рушатся древние соборы, которые были возведены до такой гигантской высоты высокомерно благочестивыми поколениями, хотевшими утвердить здание своей веры в самом небе... и их боги не верят больше в самих себя. Эти боги отжили...» Свобода — «религия, которую проповедают не богатым, но бедным, и которая тоже имеет своих евангелистов, своих мучеников и своих искарियों». На стр. 68—70 — монолог сумасшедшего, с которым автор встречается в Нью-Бедламе (сумасшедший дом в Лондоне) и который объясняет все события мировой политики тем обстоятельством, что «господь бог был очень ограничен в средствах, когда создавал мир; он должен был для этого взнять деньги у чорта и заложить ему всю вселенную». Страница же 269-я I тома, о которой в рапорте Майкова сказано, что она «может быть дозволена общим только приговором гг. цензоров», — это XII глава «Книги Ле-Гран», являющаяся насмешкой над немецкой цензурой: все содержание ее составляют несколько строк многоточий и слова: «немецкие цензора» и «дураки», отделенные друг от друга этими строками многоточий. Русские цензоры, однако, дозволили и это место.

Характерно также, что в качестве смягчающего обстоятельства Майков приводит цитаты, по крайней мере, весьма двусмысленные: слова Гейне о том, что нужно «построить новую церковь», связаны во всяком случае не с религией и не с христианством и окрашены в сен-симонистские тона.

XIV

Следующий рапорт Майкова о «Sämtliche Werke» Гейне относится к томам: II («Италия» «Путешествие из Мюнхена в Геную», «Лукские воды» и «Город Лукка»), IV («Новеллистические отрывки»: «Бахаракский раввин», «Флорентинские ночи», «Из записок господина Шнабельвопского»), V («К истории религии и философии Германии») и VI («Романтическая школа»):

«О первом и третьем томе «Полного собрания сочинений» Гейне было уже представлено мною Комитету и им одобрено мое мнение состоящее в том, что так как это будет многотомное, отдельно не продающееся издание; во-вторых, так как по отдаленности времени первого своего появления сочинения Гейне уже утратили значение современности и отошли уже в историю своей эпохи, и, наконец, в-третьих, так как в общем предисловии, и потом во многих других Гейне сам порицает разные резкие выходки своей юности и жалеет об них, особенно

выходки против религии, то я полагал «Полное собрание его сочинений» позволить вполне.

Рассмотренные мною теперь 2, 4, 5 и 6-й томы еще более утверждают меня в этом мнении. Характер принадлежности их своему времени в них еще очевиднее, и притом преобладающей везде в этом писателе поэт и живописец значительно ослабляет впечатление от его чисто политических выходок или его философских суждений.

Второй том содержит в себе продолжение «Reisebilder». Более скользкие места встречаются здесь в «Stadt Lussa». В этой своей статье Гейне хочет выразить все впечатление, которое производит артистическая, католическая Италия, и чтобы оттенить это впечатление он выводит три лица: ревностную католичку Итальянку Франческу, Англичанку, холодную рационалистку, для которой недоступны ни учение любви христианства, ни художественная сторона католицизма, что она и выражает в различных случаях и дерзких выходках, и наконец — самого себя, поэта, хотя понимающего христово учение по-своему, но тем не менее с энтузиазмом к Христу, и почти примиряющегося с католицизмом в виду великих произведений искусства, процветших под его сенью. Хотя он редко в состоянии опровергнуть умничание своей спутницы, но оно выставлено везде в разрез с живым впечатлением поэта, почему читатель находится на стороне последнего. Более резкие места находятся на стр. 356, 357 (хотя на след. 359 и 360 стр. описание самого Гейне в высшей степени уважительно к религии, а на стр. 361 вдохновенные слова Гейне о самом Христе, отступающие конечно от настоящего понимания церковью спасителя, но не оскорбляющие его); стр. 383 и 384; в глав. XIII и XIV говорится о государственных религиях; смысл всего выражен на стр. 396—401; стр. 402. Впрочем все эти места ослабляются приведенной в конце позднейшей заметкой, что все резкое здесь и все «Reisebilder» вызваны были тогдашними обстоятельствами Германии (стр. 423).

В 4-м томе ничего нет особенно кидаемого в глаза, разве только одно комическое лицо, пиелист, который читает только библию и, будучи сластолюбивого темперамента, видит во снe разных библейских женщин, Эсфирь, Магдалину и пр., за что его бьет жена, по ревности⁶⁹.

В 5-м томе, в Истории Германской Философии, в предисловии ко второму изданию Гейне признается, что он слишком увлекался, когда писал эту историю, но что теперь обращен к другим воззрениям — первую книгу мира — библией (см. стр. 24—27).

Места обращающие внимание цензуры: 36—47, 131—141, 177 и след. (о Канте), 185, 188, 199—204, 256.

В 6-м т. — стр. 19—20⁷⁰.

Решение Комитета было следующее: II и V томы были запрещены для публички на основании § 3 Устава, IV был позволен полностью, а VI с исключением стр. 19 и 20⁷¹.

Несомненной причиной запрещения II тома («Италия») послужили враждебные не только церкви, но также и христианству высказывания Гейне (несмотря на смягчающую — местами — фразеологию). Главы XII и XIV — на тему о «государственных религиях» — целиком опускались в русских дореволюционных переводах (напр. вейнберговское издание 1904 г.) и заменялись рядом точек... Все те смягчающие обстоятельства, которые так настойчиво выделяет Майков, оказывались недостаточны: перевес был не на их стороне; места противоположного характера (т. е. антиклерикальные и антирелигиозные) имели действие более сильное и впечатляющее; богатейшие образные и эмоциональные средства гейневского слова оказывали свое влияние именно в этом направлении. Запрещение V тома имело аналогичное основание: это была весьма свободная трактовка тем, связанных с религией, в частности с христианством и католической церковью, и философских вопросов, разрешаемых Гейне революционно (напр. вскрытие революционных элементов философии Канта, сравнение самого Канта

с Робеспьером). Именно здесь — в «Истории религии и философии Германии», — на страницах, отмечаемых Майковым, Гейне говорит о наступающей гибели деизма, о торжестве новой системы мировоззрения, а фактам из истории религий придает иронический смысл и компрометирующую их окраску. Сам Майков воздерживается от какой-либо характеристики этой книги, приводя, с одной стороны, голое перечисление страниц, «обращающих внимание цензуры», с другой же, ссылаясь на примирительное предисловие и таким образом умалчивая об истинном характере этого произведения. Но цензура уловила и оценила тенденцию книги.

В подобной же связи стоит также исключение из VI тома («Романтической Школы») 19 и 20-й страниц. Содержание их явно враждебно христианству: Гейне говорит здесь о правах плоти и земли, отрицаемых христианством, об умерщвлении плоти, «собачьей покорности» и «ангельском терпении», которого требует христианство, о возникающем отсюда лицемерии.

По сравнению с запретительными отзывами о Гейне 30—50-х гг. произошла бесспорная перемена: более «принципиальным» стал характер инкриминируемых мест. Отношение к Гейне теперь освобождается от той мелочности и боязливости, которая господствовала в рапортах николаевского времени, проявляясь в особенном внимании к отдельным словам и выражениям; зато с большей отчетливостью проступает теперь отношение к самым основным линиям гейневской мысли.

Том VII Полного собрания («Стихийные Духи», «Доктор Фауст», «Боги в изгнании», «Богиня Диана») прошел через цензуру совершенно безболезненно, настолько безболезненно, что в рапорте Майкова отсутствует всякая характеристика: в ряду других безоговорочно позволительных книг, являющихся материалом его донесения, просто упомянут VII том «Heine's Werke»⁷². Одно из произведений, входящих в состав этого тома, — «Боги в изгнании», — в свое время, девять лет назад, в 1853 г., было предметом запретительного отзыва того же Майкова (см. выше); теперь эта вещь не останавливает внимания цензуры. Тема, объединяющая содержание этого тома — соотношение мира языческого — античного и народно-германского — с миром христианским, отрицание язычества и сохранение его элементов в народных поверьях, сказаниях, песнях и т. д. Эмоциональные симпатии Гейне — на стороне язычества; в общем же как по отношению к нему, так и по отношению к христианским темам Гейне держится скептически, пользуясь наивно-иронической формой обстоятельного описания и исследования, сообщая о чудесах античной и германской мифологии и демонологии, как об истинных, имевших место происшествиях.

XV

Следующие семь томов сочинений Гейне (VIII—XIV) не поступали по отдельности на рассмотрение Комитета. Поэтому мы не имеем данных о том, как отнеслась в 60-х гг. цензура к «Французским Дела», к «Лютеции» и др. Имеются отзывы лишь о последних томах собрания — XV, XVI, XVII, XVIII, содержащих стихи. Том XVII был рассмотрен раньше, чем XV и XVI, и попал сначала не в петербургскую цензуру, а в Рижский Цензурный Комитет, где отзыв о нем дал цензор Кестнер. В составе этого тома находились поэмы «Атта Троль» и «Германия» и «Современные стихотворения» («Zeitgedichte»). В отзыве провинциального цензора Кестнера мы не найдем тех историко-литературных масштабов, которые применяет к оценке Гейне столичный цензор Майков. И хотя в донесении Кестнера о XVII томе проходят (вначале) отчасти те же мотивы, что и в отзывах Майкова, все же самый материал — злободневные политические стихи, сатиры — вызывает довольно длинный ряд цитат; и при этом на ряду с отдельными моментами, действительно революционными и антирелигиозными (выдержки из «Германии»), отмечены главным образом места, сомнительность которых относится целиком на счет фразеологии и состоит в легкомысленной трактовке «предметов важных и высоких». Отзыв — таков:

«При ближайшем рассмотрении этого, прежде запрещенного, тома сочинений Гейне оказывается, что не все содержание его предосудительно, и многое из того, что прежде подвергалось осуждению, с переменою обстоятельств утратило свою язвительную силу. Но, несмотря на это, в разбираемом томе остается довольно таких мест, которых Ценсура не может одобрить. Исчислю их.

Стр. 18. Traum der Sommernacht! Phantastisch
Zwecklos ist mein Lied. Ja, zwecklos
Wie die Liebe, wie das Leben,
Wie der Schöpfer samt der Schöpfung ⁷³.

Стр. 38. Droben in dem Sternenzelte,
Auf dem goldnen Herrscherstuhle,
Weltregierend, majestätisch,
Sitzt ein kolossaler Eisbär

и п. д. пародия на царство небесное, состоящее из пляшущих медведей ⁷⁴.

Стр. 79—80. В ночном видении Иродаида, потребовавшая смерти Иоанна Крестителя будто бы по любви к нему, играет головою его в мячик.

Стр. 85—86. Liebe mich und sei mein Liebchen,
Schönes Weib, Herodias!
Liebe mich und sein mein Liebchen!
Schleudre fort den blut'gen Dummkopf
Samt der Schüssel und genieße
Schmackhaft bessere Gerichte.
Bin so recht der rechte Ritter,
Den du brauchst—Mich kümmerst's wenig,
Dass du tot und gar verdammt bist—
Habe keine Vorurteile ⁷⁵.

Стр. 126. Между тем эльзасцы и лотарингцы опять примкнули к Германии, когда мы окончим то, что начали французы, когда мы уничтожим рабство в его последнем прибежище, в небесах, когда мы освободим бога, живущего на земле в человеке, из его унижения, когда мы станем избавителями бога ⁷⁶.

Стр. 142. Und wird der Dom ein Pferdestall,
Was sollen wir dann beginnen
Mit den heil'gen drei Königen, die da ruhn
Im Tabernakel da drinnen?
So höre ich fragen. Doch brauchen wir uns
In unserer Zeit zu genießen?
Die heil'gen drei Kön'ge aus Morgenland,
Sie können wo anders logieren.
Folgt meinem Rat und steckt sie hinein
In jene drei Körbe von Eisen,
Die hoch zu Münster hängen am Turm,
Der Sankt Lamberti geheissen.

.....
Fehlt etwa einer vom Triumvirat,
So nehmt einen anderen Menschen,
Ersetzt den König aus Morgenland,
Durch einen Abendländ'schen ⁷⁷.

Стр. 153. Снова выходка на мощи в Кёльне.

Стр. 168—169. Кошунство на спасителя, начинающееся стихом:

Mit Wehmut erfüllt mich jedesmal
Dein Anblick, mein armer Vetter,
Der Du die Welt erlösen gewollt,
Du Narr, du Menschheitsretter ⁷⁸.

Стр. 224. Am Ende der Tage kommt Christus herab
 Und bricht die Pforten der Hölle;
 Und hält er auch ein strenges Gericht,
 Entschlüpfen wird mancher Geselle.
 Doch gibt es Höllen aus deren Haft
 Unmöglich jede Befreiung.
 Kennst du die Hölle des Dante nicht,
 Die schrecklichen Terzetten?

Kein Gott, kein Heiland erlöst ihn je
 Aus diesen singenden Flammen⁷⁹

Стр. 232. Стихотворение «Adam der Erste»⁸⁰ — насмешка на св. писание.

Стр. 254. Грязное стихотворение «Schlosslegende»⁸¹, позорящее Прусский Королевский дом.

Стр. 255—257. «Der neue Alexander»⁸² — едкая сатира на прусского короля Фридриха-Вильгельма IV.

Стр. 258. Четыре стиха в стихотворении «Lobgesänge auf König Ludwig», из которых последний:

Sobald auch die Affen und Känguruhs
 Zum Christentum sich bekehren,
 Sie werden gewiss Sankt Ludewig
 Als Schutzpatron verehren⁸³.

Стр. 261. Богородица со младенцем на молитву короля Людовика отвечает между прочим:

Hätt ich in meiner Schwangerschaft
 Erblickt den hässlichen Toren,
 Ich hätte gewiss einen Wechselbalg
 Statt eines Gottes geboren⁸⁴.

Наконец на стр. 277—богохульная демократическая песнь нередко приводимая: «die Weber»:

Ein Fluch dem Gotte, zu dem wir gebeten

Ein Fluch dem König...

Таким образом, и при снисходительном разборе предлагаемого тома, следует по моему мнению исключить для публки страницы: 18, 38, 79—80, 85—86, 126, 142, 153, 168—169, 224, 232, 254 по 261 и 277»⁸⁵.

Несмотря на характер цитат, которыми цензор иллюстрировал свой рапорт, «Комитет положил сочинения Гейне [т. е. т. XVII.—А. Ф.] позволить полным изданием»⁸⁶, что означало запрещение продажи данного тома в отдельности; однако в пределах полного собрания сочинений он уже не требовал никаких мер цензурной предосторожности.

К тому же свелось и окончательное решение Комитета о Полном собрании сочинений Гейне — на основании рапорта Майкова о последних его томах (XV, XVI, XVIII) — не считая двух заключительных томов (XIX—XX), содержащих письма. Состав их был следующий: XV т. — «Книга Песен», вся ранняя лирика Гейне; XVI т. — «Трагедия» и «Новые стихотворения»; XVIII т. — «Романцero» и «Последние стихотворения». Таким образом содержание их частично совпадало с содержанием книг, уже раньше запрещенных в других изданиях (напр. «Романцero» и «Новые стихотворения», запрещенные в 1852 г.). Привожу последний рапорт Майкова о Гейне (от 16 октября 1863 г.):

«Сочинения Гейне в этом издании выходят постепенно; об нескольких из

них было мною и другими цензорами представлено Комитету в свое время; некоторые дозволены вполне, другие с исключением⁸⁷. Теперь издание это приходит к концу, должны выйти еще два-три тома. Таким образом перед нами уже не отдельные сочинения Гейне, а полное их собрание. Я полагаю, что при настоящем их виде и взгляды Комитета должны несколько измениться, на следующих основаниях:

Должно главное принять в соображение, что перед нами находятся произведения поэта, который занимает теперь, по приговору критики всего образованного мира, третье место в триаде величайших поэтов Германии: Шиллер, Гёте, третьим из них становится Гейне. В высшей степени поэтическая натура, он отражал в себе как в зеркале все брожения умов своего времени, в политическом, религиозном и философском отношении, и в сфере искусства. Беспрепятственная перемена географической карты Германии в девятнадцатом столетии, падение и возникновение государств и в связи с этим падение и возникновение беспрепятственно новых систем и теорий в области мысли, жизни и политических комбинаций; возникновение и падение новых религиозных школ; глубокое разочарование в старом, недоверие к новому и вообще неловкое положение, в котором не мог не чувствовать себя германский патриот после унижения нации, после изменивших надежд, посреди колебания и произвола администраций; маленькие князья, вернувшиеся на свои троны, с преданиями Людовика XIV, военно-полицейский деспотизм Пруссии — все это разбило целостность поэтической природы Гейне, и этот дребезжающий звук слышен в каждой его ноте. Осталось в нем одно — это непосредственная поэтическая восприимчивость; остался человек, который бродит посреди развалин, по полям битв человечества и умиляется перед каждой жертвой, перед каждым павшим, плачет о Карле Стюарте, проклинает Кромвеля, пишет трогательные страницы о Людовике XVI и ставит его на неизмеримую высоту в сравнении с его палачами, и в то же время в другом случае радостно приветствует появление в человечестве новых элементов, разбивающих на нем оковы веков. Эта беспричинная смена ощущений и картин, как в калейдоскопе происходит перед глазами читателя; не успел он плениться картиной свободы, строящей баррикады в атмосфере порохового дыма, винных паров, высокого энтузиазма и рева диких страстей, как чуть не рядом — встречаем умиление перед католической Мадонной, перед благородной фигурой Стюарта; едва прочел он вопли о взятии Варшавы, как тут же являются «Крапулинский und Вашнапский» — самая злая сатира на поляков, осмеивающая их стремление восстановить Польшу⁸⁸. Словом, это не есть писатель-пропагандист, который бы бил постоянно в одну сторону, и мог бы кончить тем, что бы увести с собой туда и читателя.

Таков Гейне по отношению к его времени. Но теперь времена не те. Сам он умер. Политический элемент в его сочинениях потерял смысл, и остается только великий художник, остается ряд картин. Он отошел уже в Пантеон классиков, который увы! есть род почетного кладбища.

Приводя все сказанное к одному знаменателю, я убеждаюсь, что совершенно безопасно представить Гейне в полном собрании нашей публике, тем более, что: стоимость издания, продающегося не отдельными томами, а вполне, делает его доступным не целой массе публики; 2, что у нас уже готовится к выходу в свет русский перевод полного собрания сочинений Гейне, конечно с исключениями, которые сделала в нем внутренняя цензура, что ослабит сбыт оригинального издания.

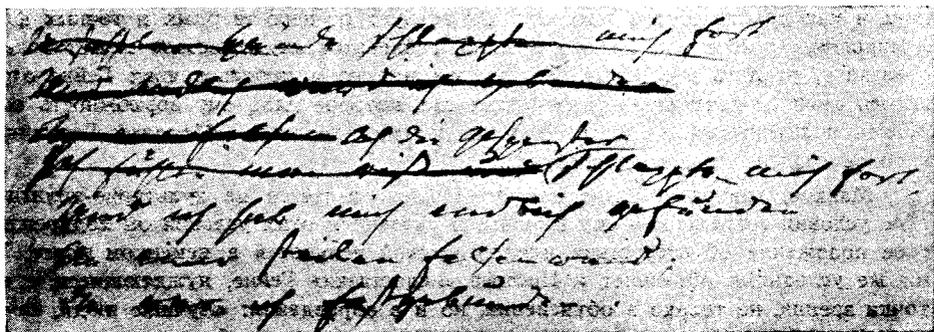
Изложив откровенно мое мнение, основанное не на буквальном понимании цензурных принципов, а на органическом взгляде на общество, честь имею оно представить на благоусмотрение Комитета⁸⁹.

Решение Комитета было — «дозволить в целости к продаже полное собрание сочинений Гейне, не распространяя этого права на продажу Гейне отдель-

ными томами»⁹⁰. Решение это было компромиссом и даже противоречило предыдущим постановлениям Комитета, по которым отдельные тома Гейне (напр. IV, VIII) были целиком, т. е. без исключения страниц, признаны позволительными. Убедительным поводом в пользу разрешения была высокая цена всего собрания сочинений, ограничивавшая круг его распространения.

Идеологическая же мотивировка, которую дает Майков, сводится, в сущности, к следующим моментам: 1) Гейне — уже классик, один из величайших поэтов Германии, и уже поэтому не совсем удобно его запрещать; 2) он потерял свою злободневность и, свое политическое значение, он уже принадлежит истории; 3) Гейне больше поэт и художник, чем политик, а как политик, он непоследователен, невыдержан, а потому безвреден даже в наиболее «опасных», казальсь бы, местах.

Очень характерно, что те самые мотивы, по которым Майков считает возможным позволить Гейне, проходят в статье Писарева «Генрих Гейне» — и

АВТОГРАФ СТИХОТВОРНОГО НАБРОСКА ГЕЙНЕ

Собрание Ю. Н. Тынянова, Ленинград

проходят под знаком отрицательной оценки, как слабые стороны в творчестве Гейне. Статья Писарева относится к 1862 г. — как раз к тому времени, когда Майков писал свои первые отзывы о Полном собрании сочинений Гейне. Это очень показательное для отношения к Гейне русской литературной и общественной мысли 1860-х гг.: то, что делает писателя приемлемым с точки зрения цензуры или служит смягчающим обстоятельством, со стороны передового критика вызывает резкий протест и порицание, являясь пороком в его глазах. Именно против Гейне — «художника и живописца» — направлены опорные места в статье Писарева.

«Ведя войну за благо человечества и считая себя храбрым солдатом, Гейне хочет в то же время служить чистому искусству. Два совершенно враждебные взгляда на искусство — утилитарный и художнический — укладываются рядом, один возле другого... ..Поэзия была для меня лишь священной игрушкой, говорит Гейне. В этих словах художнический взгляд на искусство выразился во всей своей наивности, и в этих словах заключается второе внутреннее противоречие... Когда Гейне творит образы, не имеющие никакого, даже самого отдаленного отношения к борьбе за благо человечества, тогда он благоговейно перед своей собственной виртуозностью и играет теми чувствами и мыслями, на которые нанизываются яркие и роскошные картины. Соедините это благоговение с этим играньем, и в общем результате вы получите свявленную игрушку⁹¹... Игра чувствами и мыслями становится [у Гейне. — А. Ф.] почти серьезным и торжественным делом, когда художник увлекается процессом творчества и одушевляется благоговением перед собственным волшебным могуществом»⁹².

Это — упрек в том, что Гейне-художник преобладает над Гейне-политиком и мыслителем. Далее следует упрек в беспринципности, невыдержанности, выражением которой, по Писареву, является именно ирония Гейне: «Каждое чувство умышленно выражается так, что нет никакой возможности ни поверить его искренности, ни сказать наверное, что тут кроется ирония... В этом постоянном отсутствии границы между иронией и небом, в этой невозможности отличить эту иронию от неба и положиться на искренность чувства, заключается типический характер гейневской поэзии... Своеобразие манеры, прихотливость прыжков и роскошь фантазии — все это заметно с первого взгляда, все это бросается в глаза каждому непосвященному, наравне с жгучим остроумием. Но все это — и фантазия, и прыжки, и манера — относится только к форме, а не к содержанию поэтического произведения... Чтобы доказать бессвязность и бесцельность произведений Гейне, надо рассказать их сюжеты; но бессвязность и бесцельность колоссальны до такой степени, что невозможно уловить никакого сюжета...»⁹³.

Писарев, обвиняя Гейне в непоследовательности, в сущности упрекает его в том, что он не Бёрне; он не понимает его революционной роли как художника и как политического писателя. Он требует от него твердых и точных формулировок, от которых, по его мнению, гейневское «художество» может только отвлекать, уводить в сторону. Между тем именно в противоречиях Гейне отразилось сложное сочетание исторических сил, которое дало ему возможность опередить политические взгляды Бёрне и других идеологов «Молодой Германии», которое создало из него диалектика.

Майков, говоря о раздвоенности Гейне, ссылается на культурно-политические условия современной ему Европы, и указанием этих условий он подкрепляет свое положение об отсутствии идеологической цельности в немецком поэте. Теми же условиями объясняет и Писарев «недостатки» Гейне, нуждающиеся, с его точки зрения, не только в объяснении, но и в оправдании: «Лучшие люди, самые умные, самые честные и самые страстные, искали вокруг себя опоры и не могли ее найти. Их мучило безверие в самом обширном и глубоком значении этого слова. Они не знали, на что надеяться и чего желать. В этом отношении лучшие люди первой половины XIX века были гораздо несчастнее своих предшественников и своих преемников. Предшественники верили в политический переворот; преемники верят в экономическое обновление; а посредине лежит темная трущоба, наполненная разочарованием, сомнением и смутно-беспокойными тревогами; и в самом центре этой темной трущобы сидит самый блестящий и самый несчастный ее представитель — Генрих Гейне, который весь составлен из внутренних разладов и непримиримых противоречий»⁹⁴.

Для Майкова гейнеовский культ Наполеона — момент положительный: Наполеон укротил «чудовище анархии», явился завершением и отрицанием революции. Со стороны Писарева этот культ вызывает сильнейшее неодобрение; в его глазах это — вопиющая непоследовательность:

«Пользуясь правами поэта, — говорит Писарев, — Гейне презирает последовательность и перелетает с удивительной развязностью от самой злой насмешки к самому восторженному панегирику. Тот человек, который развратил Францию блестящей солдатчиной и систематически старался умертвить в своих современниках всякую гражданскую доблесть... оказывается вдруг божеством от головы до ног»⁹⁵.

Давая диаметрально противоположную оценку свойствам гейневского творчества, Майков и Писарев сходятся в целом ряде пунктов: в определении этих свойств, в определении связи между ними. Оба они механически отделяют «художество» Гейне от его «политики» и философии и признают преобладание поэзии и художества над политикой (один — с похвалой, другой — с сожалением и упреком), оба они ссылаются на одинаковые исторические условия и оба делают ошибку.

Писарев и Майков — представители двух совершенно различных и глубоко

враждебных классовых групп в литературе своего времени. И если Гейне они определяют одинаково, лишь по-разному оценивая свойства его творчества, то это очень ярко характеризует отношение русской литературы 60-х гг. к Гейне. Если таково было осознание творчества Гейне на разных участках русской литературы тех годов, то понятно, что оно в немалой доле нейтрализовало смысл многих мест в произведениях Гейне, и понятно, что с точки зрения цензуры доводы Майкова были достаточно вески.

В своей защите Гейне Майков не бескорыстен, — разумеется, не в субъективном, а в историческом плане: он не просто вступает за классика, за всемирно знаменитого писателя. Он хочет сделать его «своим», представить его главным образом как «чистого» художника, как писателя, для которого темы — только эстетический материал. Отрывая Гейне-художника от Гейне-политика и думая, что это ему удалось, Майков конечно ошибается (так же, как и Писарев): политика у Гейне тоже была «художеством», и «художество» тоже играло политическую роль. Под своими рапортами о Гейне Майков мог бы подписаться не только как чиновник, но и как литератор: рапорты эти вполне соответствовали тому пониманию Гейне, какое отразилось в его «Переводах и Вариациях».

История переводного Гейне относится к истории внутренней цензуры, но многое в ней уже намечено рапортами членов Комитета Цензуры Иностранной. Рапорт Майкова о I и III томах Полного собрания Гейне кончался, после указания предосудительных мест, словами о том, что «в переводе на русский язык эти места не могут быть допущены, да и вообще внутренняя цензура должна руководствоваться иными соображениями, так как имеет перед собой совершенно иной «круг читателей» (см. выше). Действительно, большинство мест, служивших в цензорских рапортах (даже самых давних) основанием для запрещения, примером «вредного духа» книги — в русских изданиях или выбрасывались совершенно или очень значительно смягчались, подвергались отдельным словесным заменам и т. д. Целиком опускались такие места, как высказывания Гейне на польско-русские темы или о Николае I (в конце Письма о Парижской выставке). Словесные замены имели место преимущественно там, где у Гейне встречалось «соединение высоких предметов с низкими», где религиозные темы затрагивались в слишком фамильярных выражениях; путем устранения отдельного (наиболее «высокого» или, напротив, наиболее «низкого») слова-предмета или путем замены его столкновение нейтрализовалось. Многие из цитат, приведенных в настоящей публикации, являются впервые на русском языке в том виде, какой они имеют у Гейне (т. к. еще не все его произведения переиздавались у нас после революции). Правда, этими цитатами не исчерпываются пропуски и замены, имеющиеся в русском дореволюционном Гейне; число их больше и некоторые из них обширнее (напр. в соответствии с предосудительным местом, отмеченным цензором иностранной книги, в переводе находится пропуск еще более значительный: выброшены еще и предшествующие строки и последующие). Но все эти пропуски и замены находятся в тех пределах, какие обозначены выдержками в делах Комитета Цензуры Иностранной. История текста переводов Гейне (особенно прозы) находится в теснейшей связи с аргументацией цензоров 1830—1850 гг. и в сильной степени зависит от неё. Однако, не все пропуски и замены сделаны цензурой: многое здесь принадлежит самим переводчикам, которые учитывали цензурные условия и приспособляли к ним текст (напр. бог превращался в Зевса, архангел Гавриил — в Меркурия); иногда они даже невольно, сами того не сознавая, играли по отношению к самим себе роль цензоров. Это бывало в тех случаях, когда роль цензуры заменяла литературная традиция, заставлявшая (главным образом в переводе стихотворном) смягчать резкое место, ослаблять контрасты, выбирать для перевода стихи лирически любовные (за счет стихов политически направленных) и еще усиливать в них романтическую струю⁹⁰.

В общем переводный Гейне причинил русской цензуре меньше забот, чем Гейне подлинный. И это — благодаря тому, что долгое время он был восприни-

маем поэтами (и интерпретируем в переводах) как поэт-лирик и романтик. В конце 50-х и начале 60-х гг., когда влияние цензуры на печать приняло иные формы, появлялось очень много переводов стихов Гейне — и в журналах, и отдельными книгами. В это время (т. е. 1862—1868 гг.) запрет с Гейне еще не был снят. Что же переводили русские поэты? Мы находим у них переводы более или менее из всех книг Гейне, в том числе и из «Новых Стихотворений» и многое из «Романцеров», но подавляют своей численностью переводы ранней лирики. И если запрещение книг не мешало появлению переведенных из нее (позволительных самих по себе) стихотворений, то характерно всё же преобладание переводов из ранних книг Гейне. Если же переводилось стихотворение позднего периода (из какой-либо сугубо запретной книги), то и в этом случае не получалось эффекта, равноценного эффекту подлинника. У Гейне всякое стихотворение тесно связано с циклом, сборником, где оно дано на ряду с другими, зачастую весьма отличными от него стихотворениями: лирика — рядом с сатирой, баллада — рядом с политическим обличением. От соседства с вещами совершенно противоположного характера сентиментальное на вид стихотворение или трагическая баллада приобретают особый оттенок: ирония цикла отражается на них, расшатывает их литературную традиционность. При переводе происходит отрыв: не только в журнале, но и во всяких сборниках избранных стихотворений Гейне стихи подаются сами по себе, связь с циклом размыкается: баллада из «Романцеров» (особенно в переводах Берга или В. Костомарова) становится традиционной балладой, любовное стихотворение — просто любовным стихотворением. Наиболее же резкие вещи (напр. «Германия» и многие «Современные Стихотворения»), хотя и появились в журналах и собраниях сочинений Гейне в течение 60—70-х гг., но появились с купюрами и сильно сглаженные, притупленные (вплоть до утраты самых характерных черт), уплощенные. Сущность как никак оставалась запретной. Стиль, которым владели переводчики-авторы массовых стихотворных переводов из Гейне (Вейнберг, например), в таких случаях не содействовал, а препятствовал раскрытию писательского лица Гейне. Литературная традиция оказывалась в данном случае невольной союзницей цензуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рапорты Комитета Цензуры Иностранной в С.-Петербурге. 1843, т. I, рапорт № 472, лист 373. Разрешение Комитета датировано тем же числом, что и рапорт (4/V). Оригинал рапорта — французский: некоторые цензоры (в том числе и Роде) пользовались в своих рапортах исключительно французским языком.

² Рапорты К. Ц. И. в СПб, 1829, I, № 118, л. 252. Разрешение — от 9 марта. То же — перевод с французского оригинала.

³ H. Heine's Briefwechsel, herausgegeben von F. Hirsh, I. B., S. 480.

⁴ «Das Herz ist mir bedrückt, und sehnlich» (из цикла «Die Heimkehr»). Цитируются стихи 7-й и 8-й.

⁵ Стих. «Mir träumt: ich bin der liebe Gott» (там же). Стрфы 1—4 и 7—9.

⁶ Стих. «Die Götterdämmerung» (Сумерки богов). Стихи 71—72.

⁷ Стих. «Die Götter Griechenlands» (Боги Греции). Стихи. 73—79.

⁸ Рапорты Одесского и Виленского Цензурных Комитетов и цензоров в Риге. 1832, II, № 915, л. 287. — Оригинал написан очень неправильным французским языком, как и все рапорты цензора Граве. Все цитаты из Гейне даны тоже по-французски, в прозе, при чем словесная точность далеко неполная.

⁹ Лишь в 1844 г., в составе иллюстрированной серии «Поэты немецкого народа» (Die Dichter des deutschen Volkes. Album des Gediengendsten und Ausgezeichnetsten aus den Werken deutscher Dichter. Berlin. 1843), был пропущен — все тем же цензором Роде — сборник стихотворений Гейне, на ряду с другим выпуском той же серии, содержащим стихи благонамереннейшего немецкого поэта — патриота Т. Кернера. Роде писал: «Эти два выпуска содержат стихотворения Генриха Гейне и Теодора Кернера. В них нет решительно ничего, что могло бы быть признано предосудительным. 2 мая 1844». (Рапорты К. Ц. И., 1844, I, № 301, л. 328).

Но этот факт принципиального значения не имеет. Дело идет здесь не о самостоятельном авторизованном издании Гейне, а о сборнике стихов, поставленном в один ряд со сборниками стихов других поэтов и построенном по признаку «чи-

стой» поэзии. Творчество Гейне для подобного собрания могло дать достаточно обильный материал, но, разумеется, не в этом материале был исторический смысл его творчества: стихотворения чисто лирического типа, взятые в отдельности, а не в связи с политической лирикой, с злободневной сатирой, еще немало не определяют собой подлинного лица Гейне.

¹⁰ «На ступенях, где правоверные пели слово пророка, показывают теперь лысые попишки пресное чудо своей мессы».

¹¹ «О, колонны, огромные и мощные, украшенные некогда во славу Аллаха, теперь вы должны покорно прославлять ненавистное христианство».

¹² Рапорт: Комитета Цензуры при Министерстве внутренних дел, 1827, № 191, лл. 331—332. Цитировано в переводе с французского оригинала.

¹³ Соц приводит текст в оригинале; я даю его в переводе. — Не имея возможности цитировать все приводимые в рапортах выдержки из Гейне, буду ограничиваться лишь главнейшими, самыми характерными. Выдержки, пропущенные мною, отмечаю лишь цифрой данной страницы и многоточием после нее. В пределах цитат мною тоже допускаются пропуски (отмечаемые многоточиями).

¹⁴ Чем об Австрии, которой Гейне касается в предшествующих абзацах.

¹⁵ Речь идет о жене Николая I — Александре Федоровне. У Гейне вместо слова «die Zarin» (царица) употреблено польское слово «Zarowa». — Cholera была в 1831 г.; эпидемия шла из России. — Что касается «еще большего зла», то имеются в виду последствия русско-прусского сближения и усиления России, которое Гейне считал очень опасным для Германии.

¹⁶ Имеется в виду, нарушенное Фридрихом-Вильгельмом III, обещание — дать своим подданным конституцию, обещание, к которому он был вынужден еще в пору борьбы с Наполеоном (в 1813 г.) и которое он затем подтвердил во время Венского конгресса.

¹⁷ На картине Делароша, изображающей Кромвеля над гробом Карла I. — Цитируется место из писем о Парижской выставке картин.

¹⁸ Рапорты К. Ц. И. 1833, II, № 830, лл. 310—313. Запр. для публики 13 ноября 1833.

¹⁹ В рапортах Л. Роде все выдержки, так же как и самые тексты отзывов, даны по-французски. Я воспроизвожу эти места в переводе с немецкого текста.

²⁰ Издание прямо началось со II тома.

²¹ Примадонна с младенцем Иисусом.

²² Рапорты К. Ц. И., 1834, № 941, лл. 479—480. Запр. для публики 9 января 1835.

²³ Рапорты К. Ц. И., 1835, I, № 39, лл. 23—24. Запр. для публики 17 февраля 1835 г.

²⁴ IV том этого собрания был издан раньше (в 1833 г.): это и есть та книга «О Франции» (De la France), донесение о которой — того же цензора Соца — приведено выше. (На титульном листе не указано, что это часть сочинений Гейне; эти данные имеются лишь на обложке).

²⁵ Рапорты К. Ц. И., 1835, II, № 802, лл. 299—302. Запр. для публики 2 ноября 1835.

²⁶ Сказано по поводу июльской революции 1830 г.

²⁷ Пропуск, сделанный самим цензором.

²⁸ Опуская дальнейшую часть приводимой цитаты, укажу лишь, что она относится к плану противофранцузской коалиции и что Гейне снова пользуется случаем напомнить о нарушенном обещании Фридриха-Вильгельма III — дать конституцию.

²⁹ Рапорты К. Ц. И., 1835, II, № 713, лл. 235—236. Запр. для публики 2 октября. Оригинал — французский.

³⁰ Буквально: Молодая Германия (франц.: jeune Allemagne) в Германии (нем.: in Deutschland).

³¹ Рапорты К. Ц. И., 1837, № 137, л. 181. С французского.

³² Журналы заседаний К. Ц. И., 1838, журнал № 1 от 7 января, л. 6.

³³ Сохранилось письмо Маркса к Гейне, из которого явствует его сочувственное отношение к книге. См. Grünberg's Archiv. 1920. Heft 1. G. Mayer. Marx an Heine.

³⁴ Гейне приводит эти слова, как слова Бёрне, сказанные в разговоре с ним.

³⁵ Рапорты К. Ц. И., 1841, I, лл. 288—290. Запр. для публики 6 июня. Оригинал и все цитаты в рапорте — по-французски.

³⁶ Этот автор — Отто Кох (см. Deutsches Anonymen-Lexicon. 1501—1850. Von M. Holzmann und H. Bohatta. B. III. Weimar. 1905. S. 368).

³⁷ «Nimmt's wofür ihr wollt, ich weiss wofür ich's gebe». — «Принимайте за что хотите, я знаю, за что выдаю».

³⁸ Рапорты К. Ц. И., 1843, I, № 566, лл. 465—466. Запр. для публики 13 августа 1843. Рапорт — на французском языке.

³⁹ Кстат: цитированное в начале статьи донесение о «Лирическом Интермец-

цо» относится к 1843 г., когда интерес к лирике Гейне был силен (ср. многочисленные переводы в журналах). Самый факт ввоза этой книги, изданной уже за 20 лет до этого, находится, очевидно, в связи с этим обстоятельством.

⁴⁰ См. «Современник» 1838, т. X, стр. 15—16.

⁴¹ См. его «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии». СПб. 1843, т. I, стр. 15.

⁴² Там же, стр. 17—18.

⁴³ Н. Греч. «Взгляд на произведения литературы Русской, Французской и Немецкой в 1840 году». — См. «Русский Вестник», 1841, т. I, стр. 257—258.

⁴⁴ Впоследствии, в 1863 г., когда писался отзыв о XVII т. Собр. соч. Гейне, где помещена была поэма, цензор приводил более обширные цитаты, при чем с отзывом 1848 г. совпадает лишь одна из них. Ср. ниже.

⁴⁵ Слова Атта Тролля.

⁴⁶ Рапорты Одесского и Виленского цензурных комитетов и рижских цензоров, 1848, № 85 (копия), л. 38. См. также журналы заседаний К. Ц. И., 1848, журнал № 4 от 27 января, л. 14: «Комитет, согласно с мнением Г. Цензора Вашкевича, положил означенное сочинение позволить по исключении стр. 29, 30, 110, 113 и 114, которые следует также исключить и в случае перевода сего сочинения на русский язык». Сведения об окончательном запрещении см. в журнале № 13 от 30 марта, л. 42.

⁴⁷ Рапорты Одесского и Виленского цензурных Комитетов и рижских цензоров, 1851, № 905, лл. 514—515. Комитет Ценсуры Иностранной и Главное Управление Ценсуры только подтвердили это решение. См. журналы заседаний К. Ц. И., 1851, № 30 от 17 июля, л. 225.

⁴⁸ Кто мольбы несет Мадонне,
Кто их шлет Петру и Павлу,
Я в своей молитве славлю
Лишь тебя одну, о солнце!

(Перевод В. А. Рождественского. — Гейне. Стихотворения. Academia, 1931, стр. 92).

⁴⁹ Рапорты К. Ц. И., 1852, II, № 698, л. 154. Запр. безусл. 21 июня. Оригинал рапорта (Л. Р о д е) — французский.

⁵⁰ Рапорты К. Ц. И., 1853, II, 1797, л. 346. Запр. для публики 19 декабря 1853. Ссылка на § 2 является, очевидно, опиской (вместо § 3), § 2 не содержит никаких указаний по вопросу о том, что запрещать; содержание его составляет определение того, что такое «произведение словесности и искусств».

⁵¹ В 1852 г., в XXXII томе «Современника», в отделе Смеси была напечатана «Мефистофела, программа балета, соч. Генрихом Гейне», — т. е. перевод «Доктора Фауста» (Doktor Faust, ein Tanzroem). Эта вещь, будучи вырвана из контекста прозаического творчества Гейне, трактовавшего те же темы, что и это балетное «либретто», вряд ли могла быть правильно оценена и понята читателем.

⁵² 1851, ч. II, № 5, стр. 84

⁵³ 1849, ч. XVII, № 10, стр. 82.

⁵⁴ «Когда различаются люди» («Wenn zwei von einander scheiden»), «Сумерки» («Am fernen Horizonte»), «Преследование» («Die schlanke Wasserlilie»), «Смерть» («Der Tod das ist die kühle Nacht»). — «Библиографический журнал», 1851, ч. 105, стр. 13, 16, 19 и 22—среди оригинальных «Крымских стихотворений».

⁵⁵ 1851, ч. II, № 5, стр. 404.

⁵⁶ «Живописная Русская Библиотека», т. II, № 24, стр. 189, статья «Поэт Гейне».

⁵⁷ См. В. Карцов и М. Мазаев. Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб. 1890, стр. 137.

⁵⁸ «Живописная Русская Библиотека», стр. 190.

⁵⁹ «Семейный Круг», 1860, № 48, стр. 210 и 211.

⁶⁰ В 1861 г. русская цензура безо всяких оговорок пропустила подделки Фр. Штейнмана, друга Гейне, изданного «Стихотворения Гейне» (Dichtungen von H. Heine. Amsterdam. 1861, 2 тома) и «Берлин, Осеннюю сказку» (Berlin, Herbstmärchen. Amsterdam. 1861). Рапорт об этих книгах принадлежит цензору Лебедеву, не содержит решительно никакой характеристики и сам по себе представляет интереса (журналы заседаний К. Ц. И. 1861, лл. 17—18, журнал № 3 от 25 января). В следующем, 1862, году тоже почти беспрепятственно (с одним небольшим исключением) были пропущены 2 тома, изданных тем же Штейнманом, «Писем Гейне» (Nachträge zu Heine's Werken. Briefe von H. Heine. Amsterdam. 1861); подлинность их — тоже не бесспорна, она во всяком случае является лишь частичной. Рапорты о них (1862, I, № 952 и 1020, цензора Любовникова) тоже не содержат характеристики. Но любопытен тот факт, что Гейне фальсифицированный оказался гораздо приемлемее, чем Гейне настоящий, о котором в 1862—1863 гг. еще должны были писаться пространные рапорты.

⁶¹ Как мы видели, почти весь Гейне был рассмотрен русской цензурой — и запрещен. Результаты рассмотрения фиксировались в особых списках, и справку

можно было навести. Чем вызвано утверждение А. Н. Майкова (давшего в свое время запретительный отзыв об одной из книг Гейне) — действительным ли незнанием всей совокупности цензурных дел о Гейне или попыткой сделать картину предшествующей цензурной судьбы книг Гейне менее страшной (с расчетом на ее неизвестность другим членам Комитета) — неясно.

⁶² Совершившегося факта.

⁶³ Примечание самого Майкова: «В некоторых местах он восхваляет Конвент, в других встречают похвалу Наполеону за [то, что] он «укротил многоглавое чудовище анархии» (т. I, стр. 252).

⁶⁴ Поповство.

⁶⁵ Духовенство, духовное сословие.

⁶⁶ Барабанного боя.

⁶⁷ Рапорты Комитета Ценсуры Иностранной, 1862, I, № 1019, лл. 413—414.

⁶⁸ Журналы заседаний К. Ц. И., 1862, журнал № 11 от 21 марта, л. 62.

⁶⁹ «Из записок господина Шнабельвопского».

⁷⁰ Рапорты К. Ц. И., 1862, I, № 888, лл. 365—366.

⁷¹ Журналы заседаний К. Ц. И., 1862, журнал № 10 от 14 марта, л. 55.

⁷² Рапорты К. Ц. И., 1862, II, № 1234, л. 17.

⁷³ Начало III главы «Атта Троль». — В переводе Н. Гумилева (Гейне. Стихотворения. Academia, Л. 1931):

Летней ночи сон! Бесцельна
Песнь моя и фантастична,
Как любовь, как жизнь бесцельна,
Как творенье и творец.

⁷⁴ Отрывок из монолога героя поэмы — медведя Атта Троль (гл. VIII):

Там высоко, в звездном небе,
На престоле золоченом,
Всеми права и блистая
Белизной, сидит медведь.

(Перевод Гумилева).

⁷⁵ «Атта Троль», гл. XX.

Будь возлюбленной моей,
Дивная Иродиада!
Будь возлюбленной моей,
Брось ту голову пустую
Вместе с блюдом и отдавай
Яств получше, повкуснее,
Я твой самый настоящий
Верный рыцарь; нет мне дела,
Что мертва ты, проклята;
Я без всяких предрассудков.

(Перевод Гумилева).

⁷⁶ Предисловие к поэме «Германия».

⁷⁷ Конец IV гл. поэмы «Германия». В переводе Ю. Н. Тынянова (Г. Гейне. «Германия», 2-е изд. Л. Гос. Изд-во «Художественная литература», 1934).

Но если станет конюшной собор,
Что делать, в самом деле,
С тремя святыми царями, что здесь
Починут в соборном приделе?
Так спросят меня. Но в наш-то век.
Стоит ли волноваться?
Три светлых царя из восточной земли
Где-нибудь приютятся.
Даю вам совет: поместите их
В три плетенки из жести,
Которые в Мюнстерской башне висят,
Пускай лежат там вместе.
А если нарушится триумвират.
Одного потеряют в транзите,
Тогда восточного короля
Вы западным замените.

⁷⁸ «Германия», гл. XIII.

⁷⁹ Последние строфы заключительной — XXVII — главы «Германии»:

И сойдет при скончании мира Христос,
 И адские рухнут ворота:
 И хоть начнет он там страшный суд,
 А все же и выскользнет кто-то.
 Но есть и ад, которого пасть
 Не даст освобожденья.
 Молитва бессильна; не спасет
 Спасителя прощенье.
 Ты знаешь, может быть, Дантов ад,
 Терцины роковые?
 Кого поэт туда заключил,
 Тому не помогут святые. —
 Ни бог ни спаситель Его не спасут
 Из этого пламени песен!
 Смотри, берегись! Не то проклянем,
 И будет ад тебе тесен.

(Перевод Тынянова).

⁸⁰ «Адам Первый».

⁸¹ «Дворцовая легенда».

⁸² «Новый Александр».

⁸³ «Песни хвалебные королю Людовику» — перевод Ю. Н. Тынянова (Г. Гейне. Стихотворения. Пер. Ю. Тынянова. Изд-во Писателей в Ленинграде, 1934):

Когда ж христианство примут у нас
 И кенгуру с гиббоном,
 Тогда, конечно, святым Людовик
 Будет у них патроном.

⁸⁴ Когда б посмотрела беременной я
 На этого идиота,
 Тогда бы наверно я родила
 Не бога, — обормота.

⁸⁵ Рапорты К. Ц. И., 1863, № 1215, л. 112. — «По заключению Рижского Цензурного Комитета подлежащие исключению места сего сочинения» подведены были «под ст. 1314 Уложения о нак. уг. и испр.».

⁸⁶ Журналы заседаний К. Ц. И., 1863, журнал № 15 от 24 апреля, л. 61.

⁸⁷ О том, что некоторые тома были и вовсе запрещены (для публики), Майков умалчивает.

⁸⁸ Срв. выше в рапорте Л. Роде о «Романцера» (1852 г.) указание на это же стихотворение, как на предосудительное.

⁸⁹ Рапорты К. Ц. И., 1863, IV, № 2763, лл. 50—51.

⁹⁰ Журналы заседаний К. Ц. И., 1863, журнал № 40 от 16 октября, л. 177.

⁹¹ Подчеркнуто Писаревым. Выражения: «священная игрушка», «храбрый солдат» взяты у Гейне из XXXI главы «Путешествия из Мюнхена в Геную».

⁹² Сочинения Д. И. Писарева, т. II, СПб. 1894, стр. 259—260, 261.

⁹³ Там же, стр. 262 и 263.

⁹⁴ Там же, стр. 274.

⁹⁵ Там же, стр. 303. Подчеркнуто Писаревым.

⁹⁶ Сличение с оригиналом текстов русских дореволюционных изданий и установление основных цензурных пропусков проведено в статье Н. Н. Сретенского «Гейне и русская цензура» в «Известиях Северо-Кавказского Госуд. Университета», 1928 г. Том I (XIII) Ростов-на-Дону. Стр. 46—66. Материалы цензурного архива в этой статье, однако, не привлекаются, и вся работа построена только на основании печатного текста переводов Гейне.

Воспроизводимый на стр. 647 портрет Гейнриха Гейне был приобретен в 1934 г. у частного лица. Каким образом оказался он в России — установить не удалось. Возможно, что он находился в имуществе Максимилиана Гейне, служившего в русской армии. Перевод дарственной надписи: «Своему брату Густаву преподносит это воспроизведение своего облика Гейнрих Гейне». Впервые воспроизведен в книге Г. Ю. Юрьева «Гейне и Бёрне». Л. 1936.